

Р.Ю. Почекаев

.....

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

глазами российских
и западных путешественников
XVIII — начала XX в.

Роман Почекаев

**Государство и право
в Центральной Азии
глазами российских и
западных путешественников
XVIII – начала XX в.**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2019

УДК 34(51)(09)
ББК 67.0(54)

Почекаев Р. Ю.

Государство и право в Центральной Азии глазами российских
и западных путешественников XVIII – начала XX в. /
Р. Ю. Почекаев — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2019

ISBN 978-5-7598-1869-4

В книге впервые в отечественной науке предпринимается попытка проанализировать сведения российских и западных путешественников о государственности и праве стран, регионов и народов Центральной Азии в XVIII – начале XX в. Дипломаты, ученые, разведчики, торговцы, иногда туристы и даже пленники имели возможность наблюдать функционирование органов власти и регулирование правовых отношений в центральноазиатских государствах, нередко и сами становясь участниками этих отношений. В рамках исследования были проанализированы записки и рассказы более 200 путешественников, составленные по итогам их пребывания в Центральной Азии. Систематизация их сведений позволила сформировать достаточно подробную картину государственного устройства и правовых отношений в центральноазиатских государствах и владениях. Книга предназначена для специалистов по истории государства и права, сравнительному правоведению, юридической антропологии, историков России, востоковедов, источниковедов, политологов, этнографов, а также может служить дополнительным материалом для студентов, обучающихся данным специальностям.

УДК 34(51)(09)
ББК 67.0(54)

ISBN 978-5-7598-1869-4

© Почекаев Р. Ю., 2019

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2019

Содержание

Введение	7
Глава I	13
§ 1. Путешественники: кто они?	14
§ 2. К вопросу о достоверности записок путешественников	21
Глава II	26
§ 1. Монархи: эволюция правового статуса	27
§ 2. Центральный аппарат управления	30
§ 3. Административно-территориальное устройство, органы управления и самоуправления	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Роман Почекаев
Государство и право в Центральной
Азии глазами российских и западных
путешественников XVIII – начала XX в

Рецензент – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Российского института стратегических исследований (РИСИ) *А.А. Колесников*

© Почекаев Р.Ю., 2019

Введение

В рамках всеобщей истории государства и права далеко не все страны изучены равномерно, и к числу наиболее слабо изученных относятся страны и народы Центральной Азии, несмотря на богатую историю и культуру этого региона, а также давние традиции изучения различных аспектов ее исторического развития.

Нельзя сказать, что государственность и право Центральной Азии совершенно не изучалось: исследования, посвященные отдельным аспектам политико-правового развития этого региона, начались в XIX в. и успешно продолжают в наши дни. Так, уже во второй половине XIX – начале XX в. чиновники и ученые в Русском Туркестане обратились к изучению государственного управления и права в новых владениях Российской империи и соседних стран. Наиболее подробно изученными можно считать вопросы, связанные с земельной собственностью и землевладением [Абдураимов, 1966; 1970; Абдурасулов, 2008; Брегель, 1972; Граменицкий, 1886; Джурабаев, 2012; 2016; Юлдашев, 1953], мусульманским судом [Каримов, 2008; Лыкошин, 1899], вакфами [Цветков, 1910; Шайхова, 1986; 1988], семейно-правовыми и наследственными отношениями [Абашин, 2003; Каримов, 2013; Кисляков, 1973; Лунев, 2005а; 2005б; Наливкин, Наливкина, 1886], преступлениями и наказаниями [Лунев, 2009; Саидов, 2006б].

Однако в большинстве случаев исследователи опирались и продолжают опираться на «местные» источники сведений о центрально-азиатской государственности и права – правовые акты, другие официальные документы, исторические сочинения, свидетельства современников. Следствием этого является формирование представления о государственности и праве центрально-азиатского региона как исключительно базировавшихся на мусульманских политико-правовых принципах. Именно такой вывод делают исследователи на основании анализируемых ими источников [Лунев, 2004; Саидов, 2006а; Sartori, 2016]¹.

Между тем, несмотря на весьма прочные многовековые традиции ислама в Центральной Азии, нельзя столь категорично утверждать, что политические и правовые отношения в регионе регулировались исключительно с помощью мусульманских принципов и норм. Местное население, приняв ислам, сохранило некоторые прежние правовые традиции, а в XIII–XVI вв. Центральная Азия неоднократно подвергалась нашествию тюрко-монгольских племен, которые в конечном счете под именем узбеков установили власть над большей частью региона. Они привнесли в местные политические и правовые отношения большое число новых принципов и норм – и обычаи евразийских кочевников, и элементы законодательства Монгольской империи, созданной Чингис-ханом и его преемниками. Естественно, это обстоятельство не получило широкого освещения в источниках местного происхождения: официальные документы составлялись мусульманскими правоведами и богословами, а авторы центральноазиатских мемуаров и исторических сочинений в большинстве своем были придворными сановниками и потому старались всячески подчеркнуть приверженность монархов и правящей элиты к мусульманским канонам.

Получить более объективную картину позволяют сведения «независимых свидетелей», а таковыми являлись иностранные путешественники, лично побывавшие в государствах Центральной Азии и отразившие свои наблюдения в записках. Особо подчеркнем, что речь идет о представителях немусульманских стран, у которых не было причин идеализировать роль и

¹ Отдельные авторы, впрочем, предпринимали попытки проследить и применение обычного права в регулировании различных сфер отношений в Центральной Азии, однако в большинстве случаев они рассматривали этот вопрос не с правовой, а преимущественно с этнографической точки зрения – что было вообще характерно для изучения обычаев и традиций различных народов в советский период [см., например: Гаврилов, 1929; Кисляков, 1969]. Соответственно, их основным источником были не какие-либо документы, а результаты полевых исследований.

значение ислама и мусульманского права в Центрально-Азиатском регионе. Таким образом, наибольший интерес для получения сведений о государственности и праве Центральной Азии представляют записки российских и западных путешественников. Первые путешествия европейцев в этот регион начались в далеких XIII–XIV вв.: это поездки Иоанна де Плано Карпини, Вильгельма де Рубрука, Марко Поло, Джованни Мариньоли, Одорико де Порденоне и др. Второй этап открытия Центральной Азии для России и Европы наступил в XVI–XVII вв., когда московские и английские дипломаты и торговцы неоднократно бывали в этом регионе.

Однако для нас наибольший интерес представляет период XVIII – начала XX в., когда Россия и ведущие европейские державы начинают активную борьбу за контроль над различными азиатскими регионами. Наиболее длительным и жестким противостоянием была так называемая Большая игра – соперничество Российской и Британской империй именно за Центральную Азию (1856–1907). Политические события обусловили и активизацию изучения Центрально-Азиатского региона, в результате чего поездки российских и западных (английских, французских, немецких, американских и даже скандинавских) путешественников были уже не единичными и эпизодическими, как в предыдущие века, а приобрели поистине массовый характер, что стало неотъемлемой частью политической и дипломатической борьбы за контроль над регионом ведущих европейских держав [Постников, 2007].

Соответственно, многие из путешественников оставили записки по итогам своих поездок, которые и представляют большой интерес для исследователей. Эти документы уже давно используются специалистами – правда, в большей степени как источник по политической или экономической истории разных стран и народов Центральной Азии, ее исторической географии, этнографии и т. д.

Лишь немногие исследователи привлекают записки отдельных путешественников именно как источник для изучения политических и правовых отношений в Центральной Азии, используя их для получения дополнительных сведений по некоторым аспектам политико-правового развития стран и народов региона в рассматриваемый период [Абдурасулов, 2015; Джурабаев, 2013; 2014; Колесников, Харатишвили, 2011; Михалева, 1991; Наврузов, 1990; 1991а; 1991б; 1992;

1997; Салиев, 2013; Шукурова, 1998]. Попыток систематизировать сведения российских и западных путешественников и сформировать на их основе комплексное представление о государственности и праве, насколько нам известно, до сих пор в науке не предпринималось. И это представляется тем более странным, что записки путешественников неоднократно публиковались и подробно изучались как источник сведений о государственности и праве соседнего региона – Казахстана. Более того, в течение долгого времени они являлись едва ли не основным источником знаний о политическом и правовом развитии Казахстана в имперский период и даже сведений о казахском обычном праве²!

Соответственно, и записки путешественников по Центральной Азии являются важнейшим и ценнейшим источником сведений о политико-правовом развитии этого региона в XVIII – начале XX в. по трем причинам. Актуальность их использования повышается также за счет того, что в последние годы вводятся в оборот новые архивные источники, которые в свое время не были известны исследователям полностью или частично³. Возможность опереться на них значительно расширяет источниковую базу исследования.

² На записки путешественников опирались виднейшие исследователи традиционной казахской государственности и права – С.Л. Фукс, С.З. Зиманов, Т.И. Султанов. Эти записки также публиковались в сборниках материалов по казахскому обычному праву и в середине XX, и в начале XXI в.

³ Яркий пример тому – записки атамана Сибирского казачьего войска Григория Волошанина, который фактически первым из русских подданных побывал в Кульдже вскоре после ее присоединения к Китаю в 1771 г. (до него иностранные путешественники бывали еще в независимом Джунгарском ханстве – например, русский дипломат И.С. Унковский и шведский пленный офицер И.Г. Ренат). В конце XIX в. российским ученым была известна только карта его маршрута, и географ Н.М. Ядринцев сетовал, что не имеется текстового описания в дополнение к этой карте [Ядринцев, 1883, с. 315]. Такое дополнение

Во-первых, как уже отмечалось, в отличие от своих центральноазиатских современников, российские и европейские авторы не имели причин идеализировать ситуацию с применением мусульманского права, поэтому в их записках нашло отражение применение как мусульманских политических и правовых институтов, так и обычно-правовых, и элементов прежней «чингизидской» (т. е. монгольской имперской⁴) государственности и права. Кроме того, посещая разные регионы, путешественники имели возможность наблюдать определенные различия в системе государственного управления и правового регулирования у разных народов, находившихся в подданстве даже одного и того же государства.

Во-вторых, путешественники не ставили целью изучение норм писаного права, а описывали те политические и правовые институты или действия, очевидцами (а нередко и непосредственными участниками) которых являлись. Соответственно, их записки позволяют сформировать представление не об идеализированном государственном устройстве или правовой системе той или иной центральноазиатской страны (что неизбежно происходит при работе исключительно с формальными юридическими источниками), а о политико-правовых реалиях, т. е. именно тех политических и правовых принципах и нормах, которые были актуальны для рассматриваемого периода и применялись на практике. Достаточно широкий хронологический охват (XVIII – начало XX в.) позволяет также проследить на основе анализа записок путешественников эволюцию отдельных политических и правовых институтов на разных этапах истории центральноазиатских государств с учетом различных внутренних и внешних факторов, в том числе и известных нам на основе других источников.

Наконец, в-третьих, нельзя забывать о том, что российские и европейские (а также отдельные американские) путешественники в большинстве своем были представителями западной культуры⁵ и далеко не все из них имели необходимую востоковедную подготовку. С одной стороны, это обстоятельство, казалось бы, говорит не в пользу их записок как ценного источника, поскольку незнание специфики центральноазиатской (и вообще восточной традиционной) государственности и права, несомненно, приводило к ошибкам в описании тех или иных государственных и правовых институтов. Однако, с другой стороны, именно оно делает записки путешественников доступным и понятным источником для исследователей традиционной центральноазиатской государственности и права, так как эти авторы описывают свои наблюдения в данной сфере с помощью привычных им (а следовательно – и нам) категорий, терминов и понятий. Некоторые из них даже предпринимают попытки систематизации своих сведений по сферам и отраслям политических и правовых отношений, чего, конечно же, не делали сами представители центральноазиатских обществ в силу особенностей своего политического и правового сознания. Поэтому, чтобы не пасть жертвой наиболее явных и серьезных заблуждений путешественников, целесообразно сверять их сведения с результатами вышеупомянутых исследований востоковедов, изучавших государственность и право Центральной Азии на основе «местных» источников.

Таким образом, настоящее исследование имеет междисциплинарный характер, сочетая в себе методы и результаты ранее проведенных исследований в рамках целого ряда наук и научных дисциплин.

в виде журнала Г. Волошанина было обнаружено в фондах АВПРИ и опубликовано лишь в начале XXI в. – равно как и ряд других записок путешественников, побывавших в Кульдже в интересующий нас период.

⁴ Попытка дать характеристику источников, основных принципов и эволюции монгольского имперского права была принята нами в специальном исследовании [Почекаев, 2016б].

⁵ Редкими исключениями являлись те путешественники, которые, будучи подданными и представителями Российской империи или западных держав, сами имели восточное происхождение. К таковым можно отнести, в частности, российских дипломатов и разведчиков М. Бекчурина, А. Субханкулова, М.-Ш. Аитова, Ч.Ч. Валиханова и нескольких других, а также британских разведчиков Мир Изетуллу и Мохана Лала.

Это исследование посвящено истории государства и права, поэтому в качестве основных методов используются историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой подходы.

Конечно же, оно в первую очередь является исследованием по истории государства и права, и именно это обусловило использование в качестве основных методов исследования историко-правового, формально-юридического, сравнительно-правового подходов. Структура книги также выбрана, исходя из историко-правового характера исследования: основная часть ее посвящена традиционной государственности и праву отдельных государств и владений Центральной Азии, т. е. анализу основных государственных институтов и наиболее значительных отраслей права (в том виде, в каком они выделяются в современной теории и истории государства и права), сведения о которых содержатся в записках путешественников, посетивших соответствующую страну или регион.

Вместе с тем исследование в немалой степени имеет и источниковедческий характер, что обусловило необходимость анализа источников с учетом личностей авторов, целей и задач их путешествий, политической обстановки в самих центральноазиатских государствах в период пребывания там того или иного путешественника и т. д. Поэтому наряду с самими источниками и трудами, непосредственно посвященными политико-правовым аспектам истории Центральной Азии в XVIII – начале XX в., автор обращался к трудам, в которых содержалась необходимая информация по вышеупомянутым вопросам. Соответственно, были использованы исследования по истории географических открытий и изучению Центрально-Азиатского региона путешественников (Д. Бейкера, И.П. и В.И. Магидовичей, В.И. Грекова, О.В. Масловой и др.), труды по источниковедению Центральной Азии, в том числе и непосредственно посвященные изучению наследия путешественников – большей частью ученых (Д.В. Арапова, М.К. Басханова, А.А. Колесникова, Л.Г. Левтеевой, Б.В. Лунина и др.), многочисленные работы о конкретных путешественниках и их трудах. Также нельзя было не учесть и общие труды по истории Центральной Азии или ее отдельных регионов в рассматриваемый период (С. Беккера, М. Ниязматова, Д. Пирса, Т.Г. Тухтаметова, Н.А. Халфина и др.).

Таким образом, основной целью настоящего исследования стала демонстрация высокой ценности записок путешественников как источника по истории государственности и права Центральной Азии в XVIII – начале XX в. Безусловно, реконструировать всю систему центральноазиатской государственности и права на основании записок путешественников невозможно, да такая задача нами и не ставилась. Однако систематизация их информации и соотнесение ее с другими источниками сведений о политико-правовом развитии Центральной Азии в рассматриваемый период, поможет сформировать более целостное и объективное представление, чем до сих пор.

По ходу проведения исследования стало очевидным, что далеко не все анализируемые тексты имеют одинаковую ценность и могут быть восприняты с одинаковой степенью доверия. Именно поэтому возникла необходимость, во-первых, классификации самих авторов и их записок по итогам путешествий; во-вторых, выработки критериев, позволявших принимать сведения как достоверные в той или иной степени. Именно этим вопросам и посвящена первая глава настоящей книги. Кроме того, значительно помочь оценить записки путешественников в качестве источников сведений о государственности и праве Центральной Азии должен библиографический словарь, помещенный в приложение: он содержит сведения о путешественниках, материалы которых анализировались при подготовке данной книги.

Самые объемные главы – вторая и третья, посвящены соответственно Бухарскому ханству (эмирату) и Хивинскому ханству. Именно в этих государствах побывало наибольшее количество путешественников из разных стран, уделивших в своих записках внимание практически всем основным аспектам развития государственности и права двух ханств. Кроме того, они

(в первую очередь – Бухара) стали образцом для формирования государственности и права других мусульманских тюрко-монгольских государств Центральной Азии.

В четвертой главе анализируется ряд аспектов государственного и правового развития Кокандского ханства, которое успешно соперничало с Бухарой и Хивой за влияние в Центральной Азии, однако его посетило гораздо меньше иностранных современников. Кроме того, это ханство уже в 1876 г. прекратило существование, полностью войдя в состав Российской империи, что тоже, конечно же, повлияло на освещение его политико-правовой истории в записках путешественников – ведь основная часть западных путешественников (англичан, американцев, французов и проч.) побывали в Бухаре и Хиве, когда те оказались под протекторатом России, принявшей ряд мер для защиты жизни, здоровья и интересов иностранцев в этих ханствах.

Пятая и шестая главы отражают результаты анализа записок путешественников, посетивших менее крупные государства и области Центральной Азии, которые либо существовали недолгое время, либо в силу своих размеров и географического положения не имели возможности существенно влиять на политическую ситуацию в регионе. Среди них – Ташкент, длительное время являвшийся центром самостоятельного «владения», небольшие княжества Дарваз и Каратегин (Горная Бухара), Вахан, Рушан и Шугнан (Западный Памир) и, наконец, государство ходжей и Йэттишар (или государство Якуб-бека) в Восточном Туркестане, Илийский край империи Цин и возникший на его территории «кратковременный» Кульджинский султанат. Необходимо подчеркнуть, что если отдельные аспекты государственности и права трех вышеупомянутых ханств (Бухары, Хивы, Коканда) уже изучались специалистами, то эти «малые» государства и области впервые исследуются в историко-правовом отношении именно в данной книге. Записки путешественников стали здесь едва ли не основным источником сведений, поскольку собственных данных практически не сохранилось.

Наконец, седьмая глава посвящена анализу политического и правового развития Бухарского эмирата и Хивинского ханства под протекторатом Российской империи (последняя треть XIX – начало XX в.). На рубеже 1860–1870-х годов все три ханства – Бухара, Хива и Коканд – попали в зависимость от России, но именно Бухарское в силу ряда политических и географических обстоятельств испытало наиболее значительное влияние Российской империи в политической и правовой сферах. Соответственно, в данной главе представлены результаты анализа записок российских и западных путешественников о том, в какой степени Бухара в своем новом статусе сохранила прежние политико-правовые институты и в какой приобрела новые.

К исследованию прилагается список использованных источников и литературы, а также хронологическая таблица путешествий в Центральную Азию и вышеупомянутый биобиблиографический словарь, содержащий сведения практически обо всех путешественниках, работы которых были проанализированы в рамках настоящего исследования.

Некоторые записки иностранных путешественников были переведены на русский язык, и автор книги счел более корректным опираться на переводы, лишь в самых необходимых случаях обращаясь к оригинальным текстам. Автор также придерживается правила буквального цитирования источников, поэтому в ряде случаев имена собственные, географические названия и специальные термины в основном тексте и приводимых цитатах могут отличаться.

Проведение исследования и написание книги не было бы возможным, без содействия коллег, благодаря поддержке которых автор получил возможность ознакомиться с необходимыми источниками, представить, обсудить на специальных мероприятиях и опубликовать промежуточные результаты исследования и потому выражает благодарность М.В. Антонову (Санкт-Петербург), В.В. Белякову (Москва), С.И. Блюмхену (Москва), М.С. Гатину (Казань), П.К. Дашковскому (Барнаул), П.Н. Дудину (Улан-Удэ), Ж.У. Кадыралиной (Астана, Казахстан), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), И.М. Миргалееву (Казань), А.С. Моррисону (Оксфорд, Великобритания), Н. Пьянчолла (Астана, Казахстан), К.З. Ускенбаю (Алматы, Казах-

стан), Н.В. Штыкову (Санкт-Петербург) и особенно – жене Ирине и сыновьям Михаилу и Даниилу за их понимание и терпение.

Глава I

Путешественники и их записки

В XVIII – начале XX в. в Центральной Азии побывало весьма значительное число путешественников – людей разных национальностей и профессий, с различными целями и задачами. Естественно, далеко не все из них опубликовали какие-то материалы по результатам своих поездок, да и в опубликованных материалах далеко не всегда содержатся сведения о государственности и праве стран и народов Центрально-Азиатского региона, интересующие нас в рамках настоящего исследования. Более того, если даже такая информация в записках и имеется, она совершенно неоднородна: одни авторы ограничивались кратким описанием своих наблюдений, другие – описывали политико-правовые реалии достаточно подробно.

Как бы то ни было, для создания представления о государственности и праве Центральной Азии, в ходе работы нами было исследовано и использовано более 200 текстов, принадлежавших более чем 100 авторам. Естественно, для определения ценности анализируемых текстов возникла необходимость дать характеристику самих путешественников и их текстов, что мы и делаем в первой главе данного исследования.

§ 1. Путешественники: кто они?

Сразу же стоит оговорить, что термин «путешественники», используемый и в названии книги, и многократно в самом исследовании, является достаточно условным и собирательным: состав иностранных современников, побывавших в Центральной Азии в XVIII – начале XX в. был весьма велик и неоднороден. А между тем полнота, качество и объективность анализируемых записок во многом зависела от того, кем являлись эти путешественники по национальности, социальному положению, целям и задачам своих поездок и т. д. Соответственно, ниже мы попытаемся выделить основные группы путешественников и кратко охарактеризовать особенности каждой из них, повлиявшие на характер их сведений о государственности и праве региона.

Прежде всего попытаемся разобраться с национальной принадлежностью путешественников. Как уже отмечалось, в Центральной Азии в рассматриваемый период побывали сотни представителей разных иностранных государств. Наибольшее число, конечно же, составляли подданные Российской и Британской империй. Среди путешественников было немало французов, представителей немецких государств (Пруссии, Австро-Венгрии), несколько итальянцев, шведов и датчан, а также граждан США. У большинства из них национальная принадлежность «автоматически» соотносилась с подданством.

Однако это было не всегда. Обратившись уже к самому раннему опыту путешествий в Центральную Азию, мы обнаруживаем, в частности, что Э. Дженкинсон, побывавший в середине XVI в. в Бухарском и Хивинском ханствах (обычно характеризуется как английский торговец и путешественник), в своих записках упоминает, что отправился в эту поездку как дипломатический представитель московского царя Ивана IV.

В рассматриваемый период точно так же на русской службе находились уроженец г. Рагузы (совр. Дубровник) Ф. Беневени, по поручению Петра I посетивший Бухару и Хиву в 1722–1725 гг.; немцы К.И. Габлиц, побывавший у хивинских туркмен в 1781–1782 гг., и Э.А. Эверсман, нанесший визит в Бухару в 1820 г.; И.Ф. Бларамберг, посетивший хивинских туркмен в 1836 г.; швейцарец Г. Мозер, участвовавший в миссии в Бухару и Хиву в 1882–1883 гг.; швед В.Н. Гартевельд, побывавший в Бухаре в 1913 г., и др. И это – не говоря о представителях разных национальностей, уже родившихся в Российской империи, таких как немцы К.И. Миллер, Е.И. Бланкеннагель, Е.К. Мейендорф, А.А. Леман, Ф.И. Базинер⁶, грек С.А. Гунаропуло, поляки И.В. Виткевич и Б.Л. Громбчевский, татары Я. Гуляев, М. Бекчурин, Ш. Арсланов, М. Аитов, башкиры А. Субханкулов и Ш.М. Ибрагимов, казах Ч.Ч. Валиханов и т. д.

Аналогичным образом мы можем видеть, что британскими путешественниками были не только урожденные британцы (среди которых и англичане, и шотландцы, и ирландцы), но и представители других народов империи – в частности, индеец-мусульманин Мир Иззет-Улла, посетивший Среднюю Азию в начале XIX в., или индус Мохан Лал, сопровождавший А. Бернса в его экспедиции в Бухару и также составивший записки по итогам этого путешествия.

Еще более запутанной представляется классификация по критерию профессиональной принадлежности. Как и в случае с национальностью, у нас имеется некий «объективный» показатель – занимаемая должность, ведомственная принадлежность и т. д. Наиболее многочисленными среди путешественников, по всей видимости, являлись участники дипломатических миссий – нередко весьма представительных и многочисленных; и иногда по результатам одной поездки появлялось сразу несколько работ, взаимно дополнявших друг друга. Так, например, по итогам миссии в Бухару под руководством А.Ф. Негри в 1820 г. были опубликованы труды

⁶ Происхождение того или иного путешественника дает основания некоторым современным исследователям считать их не российскими, а западными исследователями (см., например: [ИКЗИ, т. 5, с. 7]).

ее участников: Е.К. Мейендофра, священника Будрина, П. Яковлева и Э.А. Эверсмана. Участники миссии в Хиву 1842–1843 гг., подполковник Г.И. Данилевский и ученый Ф.И. Базинер, оба опубликовали свои записки по итогам поездки. После миссии полковника Н.П. Игнатьева в Бухару и Хиву в 1858 г. отчеты и воспоминания опубликовал он сам, а также участники миссии – М.Н. Галкин, Е.Б. Килевейн, Н.Г. Залесов, П. Назаров, А.И. Бутаков. Побывавшие в Бухаре в 1870 г. С.И. Носович и Л.Ф. Костенко тоже и тот и другой оставили записки о своей миссии. Вышеупомянутые А. Бернс и Мохан Лал также оба опубликовали материалы о поездке в Бухару, а английская миссия в Кашгарию в 1873 г. нашла отражение в трудах Т.Д. Форсайта, Г. Троттера и Г.У. Беллью.

Работы дипломатов для нас представляют интерес в первую очередь как источник сведений о государственности Центральной Азии: ведь именно они имели возможность непосредственного общения с правителями государств региона, высшими сановниками и региональными властями. Соответственно, в их работах нередко присутствует описание и институтов власти в целом, и особенности их развития в определенный период, и, что не менее важно, характеристика конкретных представителей власти, чья позиция, компетенция, карьера и проч. также дают основания для выводов об эволюции тех или иных властных структур в Центральной Азии, их особенностях в тот или иной период.

Некоторые дипломаты оставили сведения о регулировании частных правоотношений, обычаях повседневной жизни. Правда, в какой-то мере получение этих сведений стало следствием того, что дипломаты попадали фактически в заключение и были вынуждены иногда по несколько месяцев проводить на одном и том же месте под охраной, по сути, «убивая время», наблюдая за жизнью местного населения, в том числе и правовой. В качестве примера можно привести записки Н.Н. Муравьева, побывавшего в Туркмении и Хиве в 1819–1820 гг., А.И. Глуховского и А.А. Татаринова, участников миссии в Бухару в 1865 г. и др.

Другой категорией путешественников стали ученые – специалисты по географии, биологии, геологии, гидрографии, астрономии и т. д.; немалое их число было и среди участников дипломатических миссий, которые, таким образом, приобретали комплексный характер. Естественно, значительная часть их работ посвящена чисто научным результатам поездок и не содержит интересующих нас в рамках данного исследования сведений о государственности и праве. Однако многие ученые, обладая широким кругозором и любознательностью, намного выходили за рамки своих практических задач во время поездок и оставили ценные наблюдения о системе управления, правовых отношениях, включая и отсутствующие в официальных восточных документах сведения о применении обычного права различных народов и местностей Центральной Азии. Нередко ученые фиксировали и события, в которых сами участвовали или наблюдали непосредственно. К числу таких важных публикаций можно отнести, в частности, записки вышеупомянутых Э.А. Эверсмана, А. Лемана, а также горного инженера К.Ф. Бутенева, востоковеда Н.В. Ханыкова, геолога А.П. Федченко, востоковедов Н.Ф. Петровского и А.Л. Куна, ботаника В.И. Липского, географа О. Олуфсена, альпиниста У.Р. Рикмерса и многих других⁷.

Значительное число путешественников составляют представители военных ведомств, т. е. «официальные» разведчики, которые могли либо участвовать в дипломатических миссиях (как Н.Н. Муравьев, Е.К. Мейендорф, Н.П. Игнатьев, С.И. Носович и Л.Ф. Костенко и др.), либо же проводили именно военные рекогносцировки тех или иных регионов Центральной Азии. Как и в случае с учеными, многие военные в своих отчетах отражали специфические сведения географического, климатического и статистического характера, имея целью оценить

⁷ Значительное число ученых совершали свои путешествия с научной целью, но формально – выполняя некие служебные поручения, поскольку нередко числились в качестве чиновников центральных органов власти или региональной (оренбургской, сибирской, туркестанской) администрации.

доступность соответствующих местностей для прохода войск, их обеспечения необходимыми припасами, в ряде случаев – стратегические возможности (возведение укреплений, иные способы воспрепятствования проникновению противника)⁸.

Исследователи вполне обоснованно отмечают, что порой было очень сложно классифицировать экспедиции в Центральную Азию как чисто «гражданские» или «военные»: и в тех и в других, как правило, присутствовал военный эскорт и военные советники, а научные цели изучения региона (в том числе его климатических условий, природы, полезных ископаемых и проч.) имели важное значение не только для научного сообщества, но и для военных властей Туркестанского края. Эти данные использовались для укрепления военных позиций России на Памире с целью противостояния экспансионистским намерениям Британской империи и Афганского эмирата [Махмудов, 2013, с. 50].

Впрочем, и среди военных специалистов было немало таких, кто успешно сочетал свои профессиональные обязанности с изучением самых различных регионов Центральной Азии, включая систему управления и правовое регулирование. При этом ряд военных имели специальную востоковедную подготовку: они изучали восточные языки, знакомились с ранее опубликованными трудами, посвященными Центральной Азии и т. д. Особенно активное развитие это явление получило, начиная с 1870-х годов, в результате чего современные исследователи даже изучают такой феномен, как «военное востоковедение» [Басханов, 2005; Колесников, 1997]. Наиболее яркие представители этого направления, оставившие важные сведения интересующего нас характера – Г.А. Арендаренко, А.С. Галкин, А.Н. Куропаткин, Д.Н. Логофет, Н.С. Лыкошин, А.Е. Снесарев, А.Г. Серебrenников, А.П. Хорошхин и др. По иронии судьбы некоторые из них проявили себя более эффективно именно как ученые, а не как военные или администраторы. Например, Г.А. Арендаренко, уже в конце XIX в. известный как исследователь, в начале XX в. занимал пост военного губернатора Ферганской области и был снят за должностные злоупотребления. А.С. Галкин, также пользовавшийся авторитетом как ученый-востоковед, под конец жизни занимал должность военного губернатора Сырдарьинской области и был уволен за алкоголизм. Наиболее известен, пожалуй, пример А.Н. Куропаткина – выдающегося ученого, но неэффективного военного министра и командующего на фронтах Первой мировой войны⁹.

Еще одна довольно многочисленная категория путешественников – это торговцы и предприниматели, особенно российские, что неудивительно: изначально интерес к Центральной Азии в России носил исключительно экономический характер, а активное продвижение в регион и его присоединение началось лишь в результате противостояния с Англией в «Большой игре». Соответственно, в XVIII – начале XX в. в Центральной Азии побывали большое количество купцов и торговых представителей сначала из России, а со второй половины XIX в. – из Европы и США. Интересные и ценные сведения о различных центральноазиатских государствах (в том числе об их политико-правовых реалиях) содержат записки Ш. Арсланова (Ташкент, 1740-е годы), Д. Рукавкина (Хива, 1753–1754 гг.), С.Я. Ключарева (Коканд, 1851 г.), Я.П. Жаркова (Хива, 1854 г.), С.И. Мазова (Бухара, 1880-е годы) и др.

Их записки интересны в первую очередь анализом регулирования торговых отношений, государственной экономической политики центральноазиатских государств, договорных, имущественных, налоговых отношений и проч. Однако и некоторые представители предпринима-

⁸ Неслучайно большинство подобных отчетов опубликованы в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии», издававшемся в 1883–1913 гг. типографией Военного министерства под грифом «Секретно» и ставшем доступным для широкого круга исследователей лишь в последнее время.

⁹ Впрочем, исследователи высоко оценивают его деятельность на посту начальника Закаспийской области в 1890–1898 гг. и последнего генерал-губернатора Туркестанского края в 1916–1917 гг. Это, на наш взгляд, подтверждает, что он был выдающимся знатоком среднеазиатских реалий и успешно применял результаты своих научных изысканий при управлении регионами, которые прежде изучал как ученый.

тельских кругов, подобно путешественникам из числа ученых и военных, порой демонстрировали широкий кругозор и активно интересовались самыми различными аспектами жизни центральноазиатского общества. Общаясь с представителями разных кругов – от органов власти до мелких торговцев и ремесленников, – они имели возможность сформировать достаточно целостное представление о многих сторонах жизни жителей Центральной Азии.

Некоторые караваны в силу разных причин так и не доходили до места назначения: так, караван Я.П. Гавердовского в 1802–1803 гг. не сумел добраться до Бухары из-за нападений казахов. Аналогичным образом Е. Кайдалов в 1824–1825 гг. не доехал ни до Хивы, ни до Ташкента. Тем не менее оба путешественника в своих записках привели небезынтересные сведения о регулировании торговых отношений в Центральной Азии, таможенной политики местных ханств и т. д.

В ряде случаев торговые караваны становились «прикрытием», например, для дипломатических миссий, если по каким-то причинам прямой дипломатический контакт с тем или иным центральноазиатским государством представлялся нежелательным. Так, в составе торгового каравана вышеупомянутого Д. Рукавкина, находились оренбургские чиновники П. Чучалов и Я. Гуляев, которые и вели переговоры с хивинским ханом и его сановниками. Точно так же Н.И. Потанин в 1830 г. посетил Кокандское ханство во главе торгового каравана, хотя целью его поездки было возобновление дипломатических контактов с кокандскими властями.

Еще одна группа путешественников побывала в Центральной Азии и имела возможность ознакомиться с местными реалиями не по своей воле – это пленники, захваченные кочевниками и либо оставшиеся в рабстве у них, либо проданные в среднеазиатские ханства. Некоторые из них сами публиковали воспоминания о своем пребывании в плену, уделяя внимание и различным аспектам жизни страны или народа, где они находились в неволе. Так, Ф. Ефремов описал свое пребывание в Бухаре в 1770-е – начале 1780-х годов, Н.А. Северцов – в Коканде в 1858 г., А.И. Глуховский и А.С. Татаринов – в Бухаре в 1865 г. и т. д. Рассказы же многих пленников были изложены в публикациях различных авторов, включая таких известных, как ученый и публицист В.И. Даль, географ Г.Н. Потанин, военный А.И. Макшеев. Помимо сведений, содержащихся у других путешественников, рассказы пленников весьма ярко характеризуют статус низших слоев общества, самих рабов, возможности их освобождения или изменения своего положения в государстве, куда они попали в неволю.

Среди путешественников, начиная с 1870-х годов, появляются также журналисты, которые, даже будучи отправленными в Центральную Азию с конкретными заданиями, в силу своей профессии не могли не обращать внимание на самые различные аспекты жизни местного общества. Так, например, американский корреспондент Д. Мак-Гахан прибыл для освещения похода русской армии на Хиву в 1873 г., однако в его обширной книге по итогам командировки содержатся сведения о самом ханстве, его населении, особенностях отношений с Россией и проч. Корреспондент газеты «Times» Д. Добсон был командирован в Русский Туркестан для освещения открытия Среднеазиатской железной дороги, но и он дал весьма подробное описание самых разных сторон жизни Туркестана, Туркмении, Бухарского ханства, в том числе особенностей государственного устройства и правовых отношений. Достаточно полное (хотя и крайне русофобское) описание Русского Туркестана и среднеазиатских ханств дал американский журналист Ю. Скайлер, побывавший в регионе в середине 1870-х годов. Большую ценность представляют работы российских журналистов, участвовавших и в походах в Центральную Азию, и в миссиях различного характера – достаточно назвать журналистов второй половины XIX в. Н.Н. Каразина или Б.Л. Тагеева, чьи публикации о Центральной Азии вызвали огромный читательский интерес.

Кроме того, публицистикой занимались и представители разных других ведомств, в частности, многие «военные востоковеды» – Н.А. Маев, Д.Н. Логофет, А.Е. Снесарев и ряд других. В отличие от своих формальных отчетов или объемных научных трудов, в газетных и журналь-

ных публикациях они в достаточно доступной форме рассматривали отдельные аспекты жизни Центральной Азии, описывая порой конкретные яркие эпизоды, что делает их информацию весьма наглядной.

По мере укрепления позиций России в Центральной Азии и «умиротворения» этого региона в нем появляются даже просто туристы. Несмотря на то что никаких специальных целей у них не было, в их записках, чаще всего представлявших собой либо дневники, либо воспоминания о поездках, иногда встречаются яркие описания центральноазиатских реалий и конкретные примеры, служащие ценным дополнением к сведениям других путешественников (нередко дававшим довольно «сухие» отчеты и исследования по итогам поездок). В качестве примеров можно привести записки А. ле Мессурье, побывавшего в Бухаре в 1888 г., И. Фиббс, посетившей Бухару в 1897 г., Р.П. Кобболда, приехавшего поохотиться на Западном Памире в 1897–1898 гг., В.П. Панаева, совершившего «развлекательную» поездку по Закаспийской военной железной дороге и т. д. Некоторые же туристы внесли куда более заметный вклад в изучение региона, в том числе и с точки зрения истории его государственности и права. Среди таковых можно назвать небезызвестного лорда Д.Н. Керзона, побывавшего в 1888 г. в русских владениях в Средней Азии и в Бухарском эмирате и давшего весьма разностороннюю характеристику их политико-правовых реалий. А граф А.А. Бобринский, фактически для собственного удовольствия совершивший в конце XIX – начале XX в. три путешествия на Западный Памир, издал по итогам своих поездок несколько работ, сделавших его первым признанным специалистом по этнографии этого региона и памирскому исмаилизму (при описании которого он немало внимания уделил и особенностям правовых отношений исмаилитов) (см. подробнее: [Терехов, 2011]).

Еще одна категория путешественников, которая была довольно распространенной в миссиях в Восточную Азию (Китай, Монголия и проч.), Африку и т. д., была весьма малочисленной в миссиях в Центральную Азию – речь идет о священнослужителях. При анализе записок путешественников мы сумели обнаружить только двух представителей этой категории среди авторов записок, содержащих интересующие нас сведения: это вышеупомянутый священник Будрин и немецкий миссионер Д. Вольф. Причина отсутствия большого числа представителей духовенства среди путешественников в Центральную Азию представляется очевидной: в отличие от «толерантных» в религиозном отношении народов Восточной Азии или Африки, население Центрально-Азиатского региона имело весьма сильную приверженность к исламу, и любые попытки распространения среди них другой религии (особенно христианства), несомненно, были бы восприняты враждебно и могли привести к обострению отношений с государством, неосмотрительно направившим своих миссионеров в ту или иную страну Центральной Азии.

Соответственно, Будрин был не миссионером, а лишь священником, сопровождавшим дипломатическую миссию А.Ф. Негри в Бухару в 1820 г. В свою очередь, Д. Вольф (ставший известным именно как миссионер-англиканец) побывал в Бухаре в 1843–1845 гг. не с целью проповедования христианства в городе, считавшемся оплотом ислама в Центральной Азии (бухарский правитель носил титул «амир ал-муминин», т. е. «повелитель правоверных»), а для выяснения судьбы британских шпионов Стоддарта и Конолли.

Еще одна группа авторов записок, которых мы также условно относим к путешественникам – это постоянные дипломатические представители в центральноазиатских государствах. Строго говоря, они не совсем «путешествовали», учитывая длительность их пребывания в регионе, однако отнести их к путешественникам позволяет, во-первых, тот факт, что они все же не постоянно проживали, а временно пребывали в том или ином государстве, во-вторых, нередко совершали поездки по их пределам и, соответственно, также имели возможность ознакомиться с самыми различными сторонами местной жизни. Наиболее ценными представляются записки вышеупомянутого Г.А. Арендаренко – представителя туркестанского гене-

рал-губернатора при бухарском эмире в 1880 г., Н.В. Чарыкова и П.М. Лессара – первых русских политических агентов в Бухаре во второй половине 1880-х – первой половине 1890-х годов. Их близость к властным кругам эмирата, а также возможность доступа в различные сферы делает их свидетельства о политической и правовой жизни Бухары уникальными. И, опять же, интересно отметить, что если Чарыков был профессиональным дипломатом, то Арендаренко – военным чиновником, а Лессар – инженером и ученым.

Итак, мы уже неоднократно имели возможность наблюдать, что «официально заявленная» должность далеко не всегда соответствовала реальному положению того или иного путешественника. Иногда это происходило по причине различных целей экспедиций, но нередко тот или иной путешественник мог намеренно скрыть и свой подлинный статус, и даже свое подданство. Если же обратиться к истории «Большой игры», то можно найти поистине детективные сюжеты о путешественниках, выдававших себя то за торговцев, то за ученых, то за туристов, но при этом на самом деле являвшихся разведчиками и шпионами (см., например: [Халфин, 1974; Хопкирк, 2004; Ниязатов, 2014]).

В ряде случаев дошедшие до нас записки этих путешественников и сопутствующие документы, прямо свидетельствуют об их разведочной деятельности. Например, капитан Г. Тебелев в 1741 г. был отправлен в Хивинское ханство «под протектом купечества» [РТО, 1963, с. 64]. Аналогичным образом представитель российского МИД Н.И. Любимов отправился в Кульджу «под видом купца Хорошева». Еще более известный пример – миссия в Восточный Туркестан чиновника западно-сибирского генерал-губернаторства поручика Ч.Ч. Валиханова, который выдавал себя за кокандского торговца Алимбая Абдиллабаева.

Однако в большинстве случаев о разведочной деятельности тех или иных путешественников выяснялось *post-factum* и, если их разоблачали, это порой вело к роковым последствиям. Поехавший в Бухару с дипломатической миссией британский полковник Стоддарт был разоблачен как шпион, брошен в тюрьму, а затем казнен (вместе с капитаном Конолли, отправившимся его выручать, но тоже не без оснований обвиненным в шпионаже). Поляк И.В. Виткевич, побывавший в Бухаре и Хиве в 1836–1837 гг. и собравший множество ценных сведений, по возвращении в Россию из поездки в Иран таинственно погиб (по официальной версии – застрелился), при этом основная часть собранных им сведений была сожжена.

Более удачно сложилась судьба еще одного английского разведчика Р. Шекспира, который выдавал себя за дипломатического представителя в Хивинском ханстве, однако при пересечении российско-хивинской границы был разоблачен как шпион и выдворен за пределы России, а в Англии стал героем и даже был возведен в рыцари королевой Викторией. Оказавшийся примерно в то же время в Хивинском ханстве российский чиновник татарского происхождения М. Аитов также был схвачен как шпион и брошен в тюрьму в Хиве. Лишь поход оренбургского военного губернатора В.А. Перовского на Хиву зимой 1839–1840 гг. вынудил хивинские власти отпустить пленника.

Но, пожалуй, наиболее ярким примером деятельности «под прикрытием» является поездка в Центральную Азию в 1863 г. выдающегося востоковеда А. Вамбери. Уроженец Венгрии, еврей по национальности и иудей по вероисповеданию, он, под именем турецкого пилигрима Решид-эфенди, направился в среднеазиатские ханства, куда въезд европейцам в середине XIX в. был фактически закрыт. И, хотя его поездка носила именно научный характер, уже в начале XXI в. были опубликованы документы, свидетельствующие о том, что немалую роль в ее подготовке и реализации сыграли британские спецслужбы. Неслучайно его книга по итогам поездки была опубликована сначала в Англии и на английском языке и лишь в следующем году на немецком в Австро-Венгрии. Да и последующая деятельность Вамбери, хотя он всю жизнь и работал именно в Австро-Венгрии, была тесно связана с «Большой игрой», причем зачастую он демонстрировал большее рвение в защите британских интересов и русофобию, чем многие английские политики, государственные деятели и журналисты!

В заключение можно отметить, что во многих случаях весьма сложно установить, кем же на самом деле была значительная часть (если не большинство) путешественников. Вероятно, сам характер поездок в Центральную Азию предполагал некоторую неопределенность их статуса, наличие самых различных целей и задач. Тем не менее главная цель видится достаточно четко – сбор информации о посещенных странах, регионах и народах Центральной Азии для своих государств, чтобы обеспечить разработку ими более эффективной политики в отношении центральноазиатских государств, либо же для различных общественных кругов – политических, предпринимательских, научных и проч.

Таким образом, сведения о государственности и праве Центральной Азии составляют важную часть этой информации, поскольку позволяли понять, с кем именно предстоит выстраивать отношения в той или иной центральноазиатской стране, каковы перспективы развития политического, экономического, научного, военного сотрудничества и т. д. Однако остается не до конца решенным вопрос: насколько могли доверять запискам путешественников современники и насколько могут им доверять современные исследователи.

§ 2. К вопросу о достоверности записок путешественников

Приступая к анализу достоверности записок путешественников, попытаемся классифицировать их – точно так же, как прежде мы предприняли попытки классификации самих путешественников. Соответственно, характеризуя каждую группу, мы постараемся определить, в какой степени они заслуживают доверия. Во многом это зависит от статуса путешественников и цели составления ими записок.

Первую группу источников составляют тексты, подготовленные непосредственно во время путешествия или сразу по его завершении. К ним относятся дневники (или «журналы»), писавшиеся непосредственно во время путешествий и официальные отчеты по итогам миссий.

Полагаем, есть все основания считать их наиболее достоверными источниками – и в особенности это касается отчетов, подготовленных дипломатами и военными разведчиками. Естественно, направившие их органы власти (министерства иностранных дел, военные ведомства, региональные администрации) были заинтересованы в получении наиболее объективной информации, и сами же авторы отчетов не могли не осознавать этого. Чаще всего руководители ставили перед дипломатами и разведчиками конкретные задачи и даже обозначали конкретные вопросы, по которым тем следовало получить информацию. Соответственно, в своих отчетах путешественники старались скрупулезно следовать своей инструкции и наиболее подробно освещать те вопросы, которые были указаны в предварительных инструкциях. В связи с этим самыми достоверными источниками следует признать, по всей видимости, отчеты дипломатических и военных чиновников, вошедших в вышеупомянутый «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии».

Впрочем, даже в отношении этих документов могут возникать сомнения. Примером тому – деятельность чиновников Оренбургского края в Казахской степи в 1846 г. Администрация края направила в казахские «внешние округа» целый ряд своих представителей для сбора сведений о казахском обычном праве. Однако, поскольку в это время в степи было неспокойно из-за восстания султана Кенесары, многие из посланных чиновников не покинули территории, граничащей непосредственно с Оренбургским краем. В результате, когда один из них – вышеупомянутый чиновник татарского происхождения М. Аитов – собрал требуемую информацию, его коллеги, письмоводитель Ячменев и попечитель Белозеров (как можно сделать вывод из составленных ими текстов), просто-напросто переписали его сведения и включили их в собственные отчеты [Фукс, 2008, с. 154]. Безусловно, такую информацию можно считать достаточно достоверной, но вряд ли она может претендовать на то, чтобы считаться первичным источником. Впрочем, подобных примеров в отчетах военных чиновников, которые публиковались в упомянутом «Сборнике», нам обнаружить не удалось, что делает их в глазах исследователей вполне достоверным источником.

То же касается и дневников, которые путешественники вели во время своих поездок. С одной стороны, непосредственная фиксация сведений, полученных во время поездки должна свидетельствовать об объективности приводимых сведений¹⁰. С другой – далеко не всегда дневники издавались сразу по итогам поездки: в ряде случаев они по разным причинам подвергались редактированию и переделке. Так, дневник («журнал») Ф. Беневени, который он вел на итальянском языке, был переведен на русский близко к тексту, но приобрел форму, характерную для документов российской имперской канцелярии начала XVIII в., стилистически довольно сильно отличаясь от оригинала [Беневени, 1986, с. 90–117; Beneveni, 1989, р. 81–114]. Аналогичным образом переводчик Оренбургской пограничной комиссии И. Батыр-

¹⁰ При этом мы не учитываем, что какие-то сведения могли быть ошибочными из-за отсутствия у авторов дневников специальных знаний о мусульманском или тюрко-монгольском государстве и праве.

шин, ведший дневник во время похода российских войск на Ак-Мечеть в 1853 г. (который включает много ценной информации о государственности и праве Кокандского ханства и подвластных ему кочевников), после похода передал записки своему начальнику – оренбургскому генерал-губернатору В.А. Перовскому, отличавшемуся мнительностью и недоверчивостью, который внес в него значительные правки [Ерофеева, Жанаев, 2012, с. 285–286]. Впрочем, остается только догадываться, в какой мере Перовский редактировал интересующие нас сведения о государственности и праве Кокандского ханства...

Кроме того, при анализе дневниковых записей необходимо учитывать положение их авторов. Так, торговцы или туристы не были связаны никакой ведомственной принадлежностью и, соответственно, необходимостью соотносить свои записки с позицией того или иного ведомства. Поэтому их сведения также можно считать достаточно объективными – в особенности, сообщения российских купцов о договорных отношениях, налогах, таможах в Центральной Азии и т. п.

В еще большей мере редактировались и переделывались сведения о поездках, включенные в мемуары путешественников. Если отчеты содержали «безличную» информацию, а дневники претендовали на освещение поездки как таковой, то цели написания мемуаров были совершенно иными, и их отличает явная субъективность. Как правило, авторы воспоминаний старались не просто поделиться сведениями о пережитом ими, но и подчеркнуть свою роль и значение в жизни либо страны в целом, либо отдельного ее региона, либо даже в конкретных событиях. Из проанализированных нами источников наиболее ярким примером подобного подхода является «Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева». Опубликован этот текст был в 1897 г., т. е. почти четыре десятилетия спустя после самой миссии, так что вполне может считаться мемуарами¹¹. Следует отметить, что к этому времени Игнатьев уже успел побывать главой нескольких дипломатических миссий (первую, в Хиву и Бухару, он возглавил в возрасте 26 лет), директором Азиатского департамента МИД, послом в Турции, министром государственных имуществ и внутренних дел и в 1882 г. в возрасте 50 лет был отправлен в отставку, что фактически поставило крест на его политической и государственной карьере. Соответственно, целью написания его мемуаров стала попытка обратить внимание на свое значение в российской внешней политике, чтобы показать властям, от услуг какого ценного деятеля они отказались. Пользуясь тем, что ко времени написания мемуаров большинство участников событий уже скончались, Н.П. Игнатьев, не рискуя быть уличенным, всячески подчеркивал свою ведущую роль в тех событиях, о которых писал, приписывал себе все успехи, а в неудачах винил других. Подобный подход характерен и для упомянутой «Миссии в Хиву и Бухару...», что, впрочем, не исключает ценности его сведений о системе органов власти и управления этих государств, поскольку во время поездки он имел опыт общения с самими монархами, высшими сановниками и региональными властями. Игнатьев приводит в своем сочинении также тексты своих писем и рапортов, составлявшихся во время путешествия, но, принимая во внимание цель и общий стиль мемуаров, появляются сомнения в их аутентичности (см. подробнее: [Почекаев, 20176]).

Другим примером являются мемуары Н.В. Чарыкова – первого русского политического агента в Бухарском эмирате. Писал он их уже под конец жизни. Вынужденный бежать из России и поселиться в Константинополе, он также всячески старался подчеркнуть свою ведущую роль во внешней политике России, в том числе и в проведении реформ в Бухарском эмирате во время пребывания там в 1886–1890 гг. Таким образом, при использовании сведений мемуаров следует принимать во внимание цель их написания и критически оценивать сведения авторов о контактах с теми или иными центральноазиатскими властями и результаты этих контактов.

¹¹ Стоит отметить, что Н.П. Игнатьев мемуаров как таковых не писал, но в конце XIX – начале XX в. вышел ряд его сочинений, посвященных событиям 1850–1870-х годов.

Немало представителей дипломатического и военного ведомств, а также ученых, посетивших Центральную Азию либо в составе посольств, либо с собственными чисто научными целями (подобные поездки начались уже после установления российского контроля над центральноазиатскими государствами, т. е. с конца 1860–1870-х годов), не ограничивались путевыми записками или официальными отчетами, а писали по итогам поездок целые научные труды, посвященные Центральной Азии, в том числе политическим и правовым аспектам ее развития. До сих пор сохраняют ценность труды Н.В. Ханькова о Бухарском ханстве, А. Вамбери о Бухаре и Хиве, Ч.Ч. Валиханова и А.Н. Куропаткина о Кашгарии, Д.Н. Логофета о Бухарском эмирате и т. д.

Однако и эти работы следует использовать с известной долей критицизма. Весьма распространенным явлением в подобных работах является включение в них сведений авторов, ранее писавших о тех же государствах. Так, Н.В. Ханьков в своем «Описании Бухарского ханства» (1843) использовал немало сведений, приведенных Е.К. Мейендорфом, совершившим путешествие в Бухару в 1820 г., а венгерский автор А. Вамбери (путешествовавший по Средней Азии в 1863 г.), в свою очередь, неоднократно приводит сведения о Бухаре, позаимствованные у самого Ханькова. А.Н. Куропаткин, побывавший в Кашгарии и собравший немало информации из первых рук, тем не менее опирается на работы предшествующих авторов, дополняя ими собственные наблюдения. Один из российских первооткрывателей Памира, Л.Б. Громбчевский, даже в своем дневнике использовал сведения других исследователей – В.Н. Ошанина, Н.Н. Покотило, Д.В. Путяты, А.Э. Регеля и др. Посетивший Бухару в начале XX в. А. Ржевуский опирается на сведения В.В. Крестовского, побывавшего там в 1882 г. и, в свою очередь, заимствовавшего часть сведений у Л.Ф. Костенко – участника посольства в Бухару 1870 г. С одной стороны, это свидетельствует о профессионализме этих авторов как ученых, хорошо знающих историографию изучаемой ими тематики, но с другой – лишает нас возможности проверить достоверность приводимых сведений за счет сравнения источников, поскольку в данном случае об их независимости говорить не приходится¹². Поэтому требуется сравнивать сведения, приведенные в научных работах по итогам путешествий с другими видами источников – охарактеризованными выше отчетами, дневниками, мемуарами и проч. Кроме того, не следует забывать, что нас интересуют, прежде всего, результаты личных наблюдений путешественников, правовые отношения, свидетелями и участниками которых они сами становились. Поэтому сведения о лицах или событиях, имевших место задолго до их пребывания в странах и регионах Центральной Азии, носят характер не столько источника, сколько исторического сочинения [Кюгельген, 2004, с. 398].

Следующий источник, который привлекался нами для изучения государственности и права Центральной Азии – свидетельства пленников, длительное время пребывавших в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах, у туркмен и т. д. По поводу ряда сочинений подобного рода у исследователей нет сомнений в их достоверности – например, в отношении «Странствия» Ф. Ефремова, хотя отмечается его «на редкость авантюрный сюжет» [Путешествия, 1995, с. 134]. До сих пор практически не исследованы записки некоего «персиянина» Василия Михайлова, побывавшего в начале 1770-х годов в плену у калмыков, казахов и в Хиве, соответственно, не подвергнута сомнению их достоверность. При этом вызывает удивление хотя бы тот факт, что они были опубликованы сначала на немецком языке в Риге в 1804 г., затем на английском языке в Лондоне 1822 г. [Bergmann, 1804; Michailow, 1822], но до сих пор не были переведены на русский язык¹³.

¹² Некоторые сведения того же А. Вамбери о Бухаре были заимствованы не только у посетившего ее Н.В. Ханькова, но и у английского дипломата и путешественника Д. Малколма, который в Бухаре никогда не был, а сведения о ней изложил по рассказам своих информаторов во время пребывания в Персии в начале XIX в. [Кюгельген, 2004, с. 333].

¹³ Не считая любительских переводов отдельных фрагментов, выложенных в сети Интернет.

Гораздо больше сомнений в достоверности вызывают сведения русских пленников, переданные другими авторами. Так, современный исследователь Е.К. Созина не без оснований усматривает в «рассказах пленников», опубликованных В.И. Далем (в частности, от лица Ф. Грушина и Я. Зиновьева) некую идентичность, т. е. следование единой схеме: пленение туркменами, продажа в Хиву, попадание в услужение к хану, несколько неудачных побегов и в конечном счете удачный; при этом она проводит сравнения и с произведениями, однозначно относящимися к художественной литературе, в которых присутствует тот же сюжет [Созина, 2016, с. 11]. Можно согласиться с мнением исследовательницы, что подобные рассказы имели под собой реальную основу, но они могут и не быть отражением реальных событий сами по себе. Также следует принять во внимание появление значительного числа таких сюжетов в 1830–1870-е годы, т. е. в тот период, когда Россия активизировала действия по продвижению в Центральную Азию: освобождение русских пленников, томящихся в рабстве в среднеазиатских ханствах являлось одной из основных целей российских властей сначала в дипломатических переговорах, а затем и в военных действиях против Бухары, Хивы и Коканда.

Наконец, значительную группу источников составляют работы публицистического характера – статьи и очерки в периодической печати, а также публицистические работы, «замаскированные» под дневники, мемуары или научные труды. Газетные или журнальные публикации не всегда представляют собой «легковесные» тексты: в ряде случаев это могут быть вполне достоверные описания центральноазиатских реалий в доступной форме и достаточно сжатом виде, предопределенном требованиями к объему статьи. Тем не менее среди таких текстов встречаются вполне научные работы, содержащие и фактические данные, и статистику, и яркие примеры конкретных политических и правовых отношений в государствах Центральной Азии.

Вместе с тем ряд работ, которые зачастую рассматриваются как достоверные источники, не всегда вызывают высокую оценку исследователей. В первую очередь это можно отнести к западным работам – в особенности к запискам английских путешественников. В XVIII в. в Британской империи начинает складываться течение, впоследствии известное в историографии под названием «ориентализм» (см.: [Саид, 2006]). Оно характеризовалось покровительственным отношением к системе ценностей народов Востока, и это в полной мере отразилось на характеристике английскими путешественниками государственных и правовых институтов стран Центральной Азии: в ней преобладают эмоциональные оценки, подчеркивается деспотизм восточных монархий, отсталость местного права, ненавязчиво (а порой и вполне откровенно) проводится идея необходимости установления над ними британской власти – для приобщения центральноазиатских обществ к «благам» европейской цивилизации. И большинство конкретных примеров деятельности властных структур или применения принципов и норм права в английских работах являют собой либо забавные казусы, свидетельствующие о консерватизме в Центральной Азии, либо примеры особой жестокости, несвойственной «просвещенному европейскому обществу». Яркими примерами подобного отношения являются работы А. Бернса, А. Вамбери, Д.Н. Керзона и др. Для сравнения: российские путешественники в большинстве своем ограничиваются констатацией фактов, избегая оценок и критики, поскольку в большей степени преследуют цель найти точки соприкосновения со странами и народами Центральной Азии, а не установить над ними контроль и распространить на них более «совершенные» принципы государственности и права.

Кроме того, нельзя не учитывать и соперничества России и Англии за контроль над Центральной Азией в рамках неоднократно упоминавшейся выше «Большой игры». Как следствие, английские (как и другие европейские и американские) путешественники крайне негативно относятся к российской политике преобразований в подконтрольных ей государствах и регионах Центральной Азии, обвиняя Россию в полном подчинении Бухары и Хивы (номинально продолжавших считаться независимыми), вытеснении местных традиций управления и права и проч. При этом, следуя своей концепции «ориентализма», они признают, что российское

влияние способствовало смягчению деспотизма, уничтожению жестоких наказаний, уменьшению преступности и беспорядков в Центральной Азии, что, на наш взгляд, противоречит их же вышеупомянутым критическим замечаниям.

Впрочем, высказываются критические замечания и в отношении записок российских путешественников. Так, ряд авторов достаточно критически относятся к запискам Б.Л. Тагеева, участника «памирских походов» начала 1890-х годов, который, по их мнению, мало интересовался реалиями Западного Памира и больше внимания уделял захватывающим сюжетам походов и сражений, которые должны были привлечь внимание читателей. Еще более сложно разделить объективную информацию и субъективное мнение в произведениях военного чиновника, ученого и публициста Д.Н. Логофета, издавшего в 1909–1911 гг. целую серию книг и статей, в которых он подверг резкой критике непоследовательную политику российских властей в Бухарском эмирате, в результате которой это государство стало еще более сильным и централизованным, чем было до установления российского протектората. В последней главе этой книги мы посвятили специальный параграф анализу произведений Д.Н. Логофета, которые рассматриваем не как объективные исследования состояния Бухарского эмирата, а как отражение противостояния Военного министерства (к которому принадлежал сам Логофет) и МИД Российской империи по поводу будущего этого государства.

Итак, подводя итоги вышесказанному, можно отметить, что наиболее заслуживающим доверия источником можно считать отчеты дипломатов и военных. Однако их записки не всегда достаточно подробно освещают политико-правовые реалии центрально-азиатских стран и народов, поэтому необходимо опираться и на другие упомянутые источники – с учетом тех особенностей, которые мы попытались определить выше. Полагаем, определенное мнение о степени достоверности записок в зависимости от личных качеств, образования, официального положения путешественников и проч. позволит сформировать также и прилагаемый в конце книги биобиблиографический словарь.

Глава II

Государственность и право Бухарского ханства (эмирата) в записках путешественников

Бухарское ханство (с конца XVIII в. – эмират¹⁴) являлось самым крупным и могущественным из государств Средней Азии, поэтому неудивительно, что именно туда стремились наибольшее число иностранцев с самыми разными целями: разведочными, дипломатическими, военными, экономическими, а впоследствии – научными и даже развлекательными. Вследствие этого именно о Бухаре имеется наиболее значительное количество записок иностранных путешественников, в которых нередко затрагиваются различные аспекты политической, государственной и правовой жизни этого ханства. В настоящей главе будут проанализированы сведения российских и западных путешественников о государственности и праве Бухарского ханства/эмирата в XVIII – второй половине XIX в., до того как над ним был установлен российский протекторат¹⁵.

¹⁴ Формально Бухарское ханство на рубеже XVIII–XIX вв. стало именоваться эмиратом, поскольку его правителями в этот период стали уже не ханы – потомки Чингис-хана, а эмиры из узбекской династии Мангытов. Однако вплоть до 1920 г. это государство, в том числе и в официальной российской документации, называлось и эмиратом, и ханством.

¹⁵ Поскольку пребывание Бухары и Хивы под российским протекторатом (1868/1873–1917) оказало определенное влияние на политико-правовое развитие среднеазиатских ханств, анализ записок путешественников этого периода будет произведен в отдельной главе.

§ 1. Монархи: эволюция правового статуса

Уже в первой четверти XVIII в. власть бухарских монархов-Аштарханидов – потомков Чингис-хана по линии его старшего сына Джучи¹⁶ – находилась в состоянии кризиса, и они во многом являлись лишь номинальными монархами, что не осталось незамеченным и иностранными путешественниками. Уже Ф. Беневени, посланник Петра I в Иран и Среднюю Азию, побывавший в Бухаре в 1724–1725 гг., отмечал, что хан Абу-л-Файз (прав. 1711–1747) целиком зависел от своих приближенных из числа родоплеменных вождей, которые могли в любой момент предать его или поднять мятеж. Войска же зачастую хану не подчинялись, требуя от него сначала выплатить им жалованье. Неудивительно, что хан чувствовал себя весьма неуверенно на престоле, нередко не имея возможности противостоять не только внешним врагам, но и внутренней оппозиции [Беневени, 1986, с. 77–79, 126]¹⁷.

При этом даже такая номинальная власть оказывалась привлекательной для различных претендентов. Так, в 1722 г. претензии на бухарский трон предъявил некий Раджаб-султан – двоюродный брат и ставленник хивинского хана Ширгази, обосновавшийся во втором по значению городе ханства – Самарканде. Его немедленно поддержали многие узбекские племена Бухарского ханства в противовес Абу-л-Файзу, включая и ханского аталыка – «набольшего одного из узбеков», «на которого сей хан [Абул-Фейз], яко на своего брата, надеялся» [Беневени, 1986, с. 78] (см. также: [Гулямов, 1978, с. 29]). Фактически ханство раскололось на две части, каждая из которых признавала одного из двух соперничающих монархов. Законный монарх, не доверяя собственным подданным, был вынужден доверить свою безопасность наемным воинам-«калмыкам» (т. е. выходцам из Джунгарского ханства) и даже своим «придворным холопам», среди которых были и русские пленники из числа солдат А. Бековича-Черкасского, попавшие затем в Бухару [Беневени, 1986, с. 125; Ефремов, 1811, с. 89, 94–95].

Фактически Абу-л-Файз стал последним ханом, который вступил на престол в соответствии с законом. В 1747 г. он был убит, и на трон стали возводиться монархи с сомнительной легитимностью (нередко – потомки младших ветвей бухарского ханского рода и даже по женской линии), фактическая же власть перешла к аталыкам из племени мангыт. Лишаясь все больше власти фактически, ханы-Аштар-ханиды на рубеже XVIII–XIX вв. были и формально отстранены от власти, которая перешла к новым монархам – эмирам из узбекского племени мангытов, чья династия также получила название Мангытской (ок. 1800–1920).

Несмотря на то что новые бухарские правители не принадлежали к роду Чингис-хана и, соответственно, не могли претендовать на ханский титул, довольствуясь статусом эмиров¹⁸, власть монарха Бухары при них существенно укрепилась. В отличие от последних Чингизидов, новые правители и до своего официального прихода к власти уже около полувека фактически управляли Бухарой, соответственно, объявив себя монархами, они сохранили все имевшиеся у них рычаги власти и вернули главе государства прерогативы, утраченные при последних Аштарханидах, о чем также имеются упоминания в записках иностранных путешественников.

¹⁶ Родоначальником династии был Яр-Мухаммад-султан (ум. 1599), предки которого происходили из династии правителей Астраханского ханства, откуда, собственно, и название бухарской ханской династии.

¹⁷ Любопытно отметить, что заметки «стороннего наблюдателя» Ф. Беневени о ханской власти в Бухаре первой четверти XVIII в. во многом совпадают со сведениями Абдуррахмана Даулата Тали – придворного самого хана Абу-л-Файза [Тали, 1959].

¹⁸ При этом нельзя не отметить разноречивость в титулатуре бухарских правителей XIX – начала XX в., который присутствует как в неофициальных источниках (тех же записках путешественников), так и в официальной дипломатической документации: Мангыты именуются то эмирами, то ханами. Вполне возможно, это было связано с тем, что эмиры, стараясь обосновать свои права на трон, нередко рождались с родом Чингизидов, становясь, таким образом, его представителями – пусть даже и по женской линии.

Выступая ревнителями веры и, соответственно, формально отстаивая главенствующую роль шариата в регулировании отношений своих подданных, эмиры издавали указы (ярлыки) и принимали решения, фактически формируя реально действующее в Бухаре законодательство, которое нередко противоречило шариату. При этом сами монархи всячески старались подчеркнуть свое благочестие и действие исключительно в интересах ислама и шариата¹⁹. Так, уже в начале XIX в. эмир Хайдар (1800–1826) провозгласил себя сейидом (потомком пророка Мухаммада) и «главой правоверных» («амир ал-муминин»), повелев чеканить этот титул даже на монетах [Мейендорф, 1975, с. 113]²⁰. А его сын эмир Насрулла (1827–1860) пошел еще дальше и добился от реиса («великого муллы») принятия фетвы о том, что он, эмир, является пастырем, а его подданные – овцами, следовательно, он имеет всю полноту власти над ними, и любое его решение, любой указ должны неукоснительно исполняться, даже самые жестокие [Wolff, 1846, p. 236–238]. При этом он, демонстрируя благочестие, раздал все свое имущество, накопленное до воцарения, на благотворительные цели и в течение всего своего правления тратил много средств (до четверти доходов казны) на содержание мечетей, медресе и проч. [Бернс, 1848, с. 417, 431–432].

Вместе с тем стремясь подчеркнуть свое величие, эмиры опирались не только на мусульманские, но и на другие исторические и политические традиции, имевшие давнее распространение в Центральной Азии. Так, Е.К. Мейендорф упоминает, что по приказанию эмира один мулла публично читал на площади историю «Искандера Зулкарнайна», т. е. Александра Македонского, тем самым сопоставляя ныне правящего монарха с великим завоевателем [Мейендорф, 1975, с. 151] (см. также: [Кюгельген, 2004, с. 178]).

Обосновывая все свои действия и решения борьбой за сохранение, чистоту и распространение «истинной веры», бухарские эмиры-Мангыты фактически в течение всего своего правления (1800–1920) являлись абсолютными монархами. Соответственно, большинство европейских путешественников, побывавших в Бухаре, описывают их власть как неограниченную и деспотическую [Мейендорф, 1975, с. 131, 133; Ханыков, 1843, с. 179; Яковлев, 1821, с. 43] (см. также: [Becker, 2004, p. 89, 157, 167–169]). Особняком стоит мнение лишь А. Вамбери, который характеризует эмира Музаффера (прав. 1860–1885) как «сурового, но справедливого правителя» [Вамбери, 2003, с. 148–149], гораздо более мягкого, чем его предшественники, в том числе и родной отец Насрулла.

Впрочем, недостатки политического устройства Бухары, приведшие к ослаблению власти ханов-Аштарханидов в XVIII в., сохранялись и в период эмирата, поэтому, несмотря на сильную и прочную власть, Мангыты не всегда могли контролировать влиятельных родоплеменных предводителей, занимавших высокие посты при дворе или являвшихся региональными наместниками. Кроме того, вызывали опасения эмиров даже ближайшие родственники, имевшие права на трон – братья, сыновья и племянники. Отсутствие четкого порядка престолонаследия, с древности характерное для тюрко-монгольских государств, давало право претендовать на верховную власть любому прямому потомку правящего рода, поэтому такие опасения становятся вполне понятными. Российские дипломаты П.И. Демезон и А. Леман сообщают о смуте, последовавшей за смертью эмира Хайдара, поскольку все его сыновья имели равные права на трон [Демезон, 1983, с. 64–68; Соловьев, 1936, с. 63–64]. Дипломат Н.П. Игнатьев отмечает, что Насрулла, наверное, самый могущественный из Мангытов, «чрезвычайно боится,

¹⁹ Весьма причудливо сочетались, например, у эмира Хайдара ревностная приверженность к исламу с потреблением вина и любовными излишествами [Eversman, 1823, S. 80].

²⁰ Опираясь на данные Е.К. Мейендорфа, российский востоковед О.И. Сенковский писал, что уже отец эмира Хайдара Шах-Мурад (при котором последние ханы Чингизиды еще сохраняли номинально власть) присвоил себе титул «масум-гази», т. е. «любимец бога и защитник веры» [Senkowski, 1824] (см. также: [Кюгельген, 2004, с. 276]). Впрочем, даже претендуя на статус главы всех мусульман в Центральной Азии, бухарские эмиры признавали номинальное верховенство османского султана как халифа всех мусульман [Бернс, 1850, с. 494].

близко к себе не допускает и держит большею частью в Кермине» своего единственного сына Музаффар [Игнатъев, 1897, с. 224]. А сам Музаффар опасался претензий на трон своего двоюродного брата Сейид-Абдаллаха и племянника Сейид-Ахада (причем оба являлись членами правящей династии лишь по женской линии!) [Стремоухов, 1875, с. 684–685] (см. также: [Россия, 2011, с. 308])²¹. В свою очередь, каждый из семерых сыновей эмира Музаффара имел одинаковые права на занятие трона, не считая старшего, Катта-туры, поднявшего восстание против отца в 1868–1869 гг., в результате чего был изгнан из эмирата и лишен прав на трон. Поэтому попытки русских дипломатов встретиться с любым из них (что в глазах эмира выглядело признанием его со стороны российских властей в качестве вероятного наследника бухарского трона) всячески пресекались эмирскими властями, поскольку была опасность, что братья перессорятся и начнут смуту в эмирате [Костенко, 1871, с. 57; Носович, 1898, с. 274–275].

Как ни парадоксально, но именно установление российского протектората в 1868–1873 гг., в результате которого власть эмиров оказалась до некоторой степени ограниченной, упорядочило отношения бухарских монархов с регионами эмирата и систему престолонаследования в Бухаре.

²¹ В Бухаре ходили слухи, что эмир Насрулла, отец Музаффара, очень не любивший своего единственного сына, хотел сделать своим наследником именно сына своей дочери Сейид-Ахад-хана, что, вероятно, и обусловило его преследование со стороны нового эмира и бегство в Россию [Стремоухов, 1875, с. 687]. Впоследствии российские власти рассматривали беглого царевича в качестве возможной кандидатуры на трон марионеточного Самаркандского ханства, планы по созданию которого имели место в конце 1860-х годов.

§ 2. Центральный аппарат управления

Несмотря на то что некоторые путешественники имели возможность неоднократно встречаться с ханами среднеазиатских государств, гораздо чаще им приходилось иметь дело с ханскими приближенными. Одни из сановников непосредственно ведали внешнеполитическими делами соответствующего ханства, с другими же российским и западным дипломатам и путешественникам приходилось вступать в контакт как с наиболее влиятельными государственными деятелями. Записки путешественников содержат ценную информацию о системе центральных органов власти Бухары, а также выразительные характеристики отдельных представителей власти, их взаимоотношений между собой и проч.

Бухарское ханство (эмират) являлось наиболее развитым из среднеазиатских государств в политическом, правовом и экономическом отношении. Это проявилось и в наличии у него разветвленного, многоуровневого, но при этом достаточно централизованного аппарата. Все направления государственной деятельности контролировались столичными сановниками, составлявшими своеобразное правительство при хане (эмире) и нередко обладавшими влиянием, которое не уступало власти самого главы государства.

Высшим сановником в Бухаре при ханах-Аштарханидах в XVIII в. считался аталык, что в переводе с тюркского языка означает «заступающий место отца». Название отражает изначальное значение этой должности: в средневековых тюрко-монгольских государствах ее обладатель был своего рода наставником-«дядькой» при царевичах из рода Чингис-хана, который по мере возвышения своего подопечного также мог существенно повысить свой статус (см. подробнее: [Беляков, Виноградов, Моисеев, 2017]). Однако в Бухаре XVIII в. это звание приобрело совершенно иное значение: аталык фактически превратился в высшего сановника – главу ханского правительства и верховного военачальника. Как правило, аталыками становились предводители наиболее крупных и влиятельных родоплеменных объединений.

Согласно Мир Иззет-Улле, первым аталыком, фактически обладавшим статусом премьер-министра, стал Худояр-бий из племени мангыт, от которого власть унаследовал его сын Мухаммад-Хаким-бий, а затем и его собственный сын Мухаммад-Рахим. Влияние его было настолько велико, что он, свергнув и убив нескольких ханов-Чингизидов, в конце концов, на короткое время провозгласил ханом Бухары себя самого (1756–1758) [Mir Izzet Ullah, 1843, p. 340] (см. также: [Сами, 1962, с. 42–47]). И хотя родственники Мухаммад-Рахима, пришедшие к власти после его смерти, вновь стали возводить на престол ханов-Чингизидов, ни для кого, в том числе и для иностранных путешественников, не был секретом номинальный характер власти последних. Так, русский пленник Ф. Ефремов, пребывавший в Бухарском ханстве в 1770-е годы, сообщает, что хан «подвластен» аталыку [Ефремов, 1893, с. 130]. Дипломат М. Бекчурин, побывавший в Бухаре в 1781 г., передает слова бухарского сановника, который вел с ним переговоры, «что хан у них никакой власти не имеет, а правит всеми делами аталык Даниял-бий мангыт. Он властен хана пожаловать и разжаловать, а только де держут хана для одного виду» [Бекчурин, 1916, с. 301].

Влияние аталыка было настолько значительным, что, когда Мангыты все же решили официально занять трон (хотя и под титулом эмиров, а не ханов), эта должность была просто-напросто упразднена²² и вместо нее появилось несколько других. Главной из них стала должность кушбеги²³, который изначально являлся градоначальником столицы Бухарского

²² В записках путешественников и в XIX в. фигурируют аталыки, но это уже либо представители правящего рода, пребывающие при дворе без особых полномочий, либо наместники отдельных областей [Мейендорф, 1975, с. 134; Яворский, 1883, с. 334].

²³ Согласно Д.Н. Логофету, «кушбеги» было не столько должностью, сколько чином или званием высшего ранга, соответствующим канцлеру российской «Табели о рангах» [Логофет, 1911а, с. 239].

эмирата, но позднее превратился в «премьер-министра» при эмире. Путешественники, знакомые с системой центральной власти в таких развитых в политическом отношении мусульманских государствах как Османская империя или Персия, проводят параллель между кушбеги и визирем, который, и в самом деле, был главой правительства в этих государствах [Бернс, 1848, с. 413; Будрин, 1871, с. 39; Ханыков, 1844, с. 5].

Несомненно, роль кушбеги была в эмирате весьма значительной, однако, как представляется, путешественники все же могли несколько преувеличивать ее – по той причине, что именно с этим сановником им приходилось вступать в первичный контакт по прибытии в столицу, и от его воли зависело, когда именно они увидятся (и увидятся ли вообще) с монархом. Неудивительно, что в процессе общения с путешественниками многие кушбеги всячески старались подчеркнуть свое значение и влияние при дворе эмира, чтобы получить больше даров от иностранцев [Бернс, 1848, с. 382–388; Демезон, 1983, с. 18; Мейендорф, 1975, с. 54–55, 134; Носович, 1898, с. 283, 285]. Некоторые путешественники в своих записках упоминают даже, что в разговорах с ними кушбеги приравнивал себя к эмиру или же старался преуменьшить в их глазах власть монарха, соответственно, повышая собственную роль в государстве [Бернс, 1848, с. 415; Носович, 1898, с. 632]. Впрочем, другие «премьер-министры», напротив, старались не проявлять свое влияние слишком явно, да еще и в присутствии иностранцев. Например, Н.Ф. Петровский, посетивший эмират в 1873 г. в качестве «туриста», вспоминал, что весьма влиятельный куш-беги Мулла-Мехмеди-бий отказывался без одобрения эмира (объезжавшего в это время свои владения) давать ему разрешение на поездку в г. Чарджуй [Петровский, 1873, с. 242].

Как бы то ни было, но значение кушбеги, и в самом деле, было весьма велико. Не ограничиваясь функциями «мэра» столицы эмирата²⁴, он также отвечал за сбор налогов в эмирскую казну, контролировал торговлю в эмирате, в том числе и с иностранцами [Крестовский, 1887, с. 286; Маев, 1879а, с. 118; Мазов, 1883, с. 44]. Со временем его административные и хозяйственные обязанности оказались настолько велики, что во второй половине XIX в. функция по приему иностранных послов в эмирате фактически перешла к другому сановнику – мирахуру («конюшему») [Арендаренко, 1974, с. 44–45; Костенко, 1871; Крестовский, 1887, с. 43, 50, 100; Носович, 1898, с. 632; Петровский, 1873, с. 217; Яворский, 1883, с. 321]. Более того, когда эмир покидал город, отправляясь в поход или же в поездку по собственным владениям, его замещал именно кушбеги [Мазов, 1883, с. 43; Mir Izzet Ullah, 1843, p. 331].

Обладая столь высоким статусом, некоторые кушбеги приобретали определенный «иммунитет», так что, даже последствия отставки для них оказывались не столь тяжелыми, как для других сановников эмира. Так, когда Насрулла решил избавиться от слишком влиятельного кушбеги Хаким-бия (который в свое время сыграл решающую роль в его вступлении на трон [Виткевич, 1983, с. 106]), мать эмира убедила его сохранить опальному сановнику не только жизнь, но и имущество, и тот остаток жизни провел в своем имении [Ковалевский, 1871а, с. 45]. А отправленный эмиром Абдул-Ахадом в отставку после суннитско-шиитских столкновений в январе 1910 г. вышеупомянутый кушбеги Астанакул не только сохранил имущество, но и продолжал пользоваться милостью монарха [Диноэль, 1910, с. 190]. Тем не менее в некоторых случаях смещение кушбеги, как отмечает П.И. Демезон, могло стать для эмира средством быстрого и существенного пополнения казны: будучи ответственными за сбор налогов, нередко накапливали огромные богатства, которые в случае признания смещенного сановника изменником переходили в собственность монарха [Демезон, 1983, с. 19]²⁵.

²⁴ В.В. Крестовский упоминает, что ему на ночь сдавались ключи от всех ворот Бухары [Крестовский, 1887, с. 287].

²⁵ Когда вышеупомянутый Астанакул-кушбеги был отправлен в отставку, в его подвалах нашли 300 мер золота [Диноэль, 1910, с. 189].

Впрочем, в некоторых случаях в силу личного влияния на хана фактически кушбеги лишь номинально являлся главой бухарского правительства, тогда как важные решения принимали другие сановники. Например, Н.П. Игнатьев отмечает, что фактическим главой правительства был Мирза-Азиз, который официально занимал лишь должность главного зякетчи, т. е. главы сборщиков налогов (сам дипломат именно его соотнес с визирем) [Игнатьев, 1897, с. 189, 210] (см. также: [Татаринов, 1867, с. 31; Яворский, 1883, с. 334]). Значительным влиянием обладал также диван-беги – глава эмирской канцелярии, которого некоторые путешественники даже считали вторым по значению сановником после кушбеги [Будрин, 1871, с. 39; Виткевич, 1983, с. 106; Лессар, 2002, с. 102].

Неудивительно, что, заняв высший пост в государстве, высшие сановники старались «пристроить» при дворе и своих родственников, фактически создавая целые сановные династии [Мейендорф, 1975, с. 132]. Н.П. Игнатьев вспоминал, что при въезде в Бухару его встречали семь придворных сановников, включая «директора монетного двора» – все они оказались родственниками вышеупомянутого главного зякетчи Азиза [Игнатьев, 1897, с. 210]. Еще более яркий пример – кушбеги Мулла-Мехмеди-бий, который в 1880-е годы сделал своего сына Мухаммад-Шарифа диван-беги и главным зякетчи (казначеем), а внука Астанакула, которому было немногим больше 20 лет – беком Чарджуя. Поскольку сын кушбеги умер раньше отца, все полагали, что после его смерти в 1889 г. должность получит его внук, но эмир счел Астанакула слишком молодым и передал должность другому лицу, причем Астанакул на это очень обиделся, и монарху приходилось постоянно «задабривать» его новыми титулами, почетными поручениями, наградами и проч. [Лессар, 2002, с. 101–102]²⁶. Излишне говорить, что в подчинении каждого из упомянутых сановников находился собственный штат чиновников, исполнявших их поручения.

Развитые бюрократические традиции и значительная централизация власти в Бухарском эмирате привели к тому, что в нем в гораздо меньшей степени, чем в Хивинском и Кокандском ханствах проявилось влияние родоплеменной и военной аристократии. Соответственно, обладатели высших должностей в армии не обладали таким влиянием, как кушбеги, диван-беги, мирахур и другие «штатские» чиновники, поэтому нередко ими становились иностранцы, не имевшие влияния в Бухаре, но хорошо разбиравшиеся в военном деле. Так, Д. Вольф упоминает, что в середине 1840-х годов командиром сарбазов (регулярных войск эмира) был назначен беглый афганский родоплеменной предводитель Абдул-Самут-хан [Wolff, 1846, р. 234–235]²⁷. Участник посольства в Бухару 1820 г. П.Л. Яковлев сообщает, что в это время главой бухарской артиллерии был беглый русский капрал Андрей Родиков, а политический агент в Бухаре П.М. Лессар сообщает, что на рубеже 1880–1890-х годов эту же должность занимал Экрем-бек, бывший раб, происходивший из афганского племени хазарейцев [Лессар, 2002, с. 103; Яковлев, 1822б].

Большим влиянием при дворе эмира, а нередко – и в государственных делах, обладали высшие представители мусульманского духовенства. Однако поскольку их основная деятельность относилась к сфере не исполнительной, а судебной власти, мы проанализируем сведения путешественников о них ниже, в соответствующем параграфе.

Помимо высших сановников при дворе имелось немало родственников эмиров (или его многочисленных жен), представителей родоплеменной знати и проч., которые в силу своего происхождения также были вправе рассчитывать на определенное место в сановной иерархии. Но, не обладая необходимыми знаниями и талантами, они чаще всего назначались на придвор-

²⁶ Позднее Астанакул все же был назначен кушбеги.

²⁷ Сам Д. Вольф, Впрочем, характеризует Абдул-Самут-хана как весьма влиятельного сановника, осмелившегося даже вступить в конфронтацию с кушбеги [Wolff, 1846, р. 235, 256]. Правда, это могло объясняться тем, что эмиры Хайдар и Насрулла большое внимание уделяли созданию профессиональной армии и потому, как отмечал Е.К. Мейендорф, больше благоволили военным [Мейендорф, 1875, с. 135–136].

ные должности, по сути, являвшиеся синекурами – конюшими, ловчими (сокольничими или барсниками и проч.), получая вознаграждение эмира, а также взятки и подарки от его подданных за то, что передавали монарху их прошения или жалобы [Мейендорф, 1975, с. 132; Семенов, 1902, с. 977–978]. Все эти сановники, равно как и ряд других лиц по волеизъявлению эмира (общим числом от 5 до 20 человек) формировали своеобразный совет (диван) при эмире, но его полномочия были весьма неопределенны, и он носил исключительно совещательное значение [Мейендорф, 1975, с. 135].

Конечно, многие из бухарских сановников в разное время в силу как занимаемых должностей, так и благодаря личным качествам могли оказывать значительное влияние на эмиров, однако формально монарх мог назначать на все должности в государстве (включая и самые высшие) совершенно любых людей по собственному волеизъявлению, в результате чего даже должность кушбеги мог занять вчерашний мелкий чиновник, иностранец (чаще всего перс) и даже недавно освобожденный раб, а высокопоставленный сановник мог, напротив, отправиться в изгнание и пасти скот где-то в провинции [Крестовский, 1887, с. 285; Л.С., 1908, с. 26; Маев, 1879а, с. 107; Олсуфьев, Панаев, 1899, с. 142]²⁸. А придворные звания датхи и мирахура (которых российские путешественники приравнивали к генерал-майору и полковнику соответственно) получали знатные юноши в возрасте 14–15 лет – естественно, с перспективой в дальнейшем занять высокие посты при дворе [Варыгин, 1916, с. 796]. Зависимость сановников и столичного чиновничества от воли эмира проявлялась даже в том, что после смерти любого из них эмир сам решал, забрать ли в казну все его имущество или что-то оставить наследникам [Стремоухов, 1875, с. 686].

Развитый бюрократический аппарат в Бухаре позволял эмирам достаточно полно контролировать и регионы, система управления в которых, как и центральные органы власти, имела давние традиции и была достаточно четко регламентирована.

²⁸ Впрочем, ряд авторов подчеркивают, что предпочтение в большинстве случаев отдавалось все же узбекам (см., например: [Евреинов, 1888, с. 122]).

§ 3. Административно-территориальное устройство, органы управления и самоуправления

Будучи довольно обширным государством, Бухарский эмират делился на бекства (вилайеты), в свою очередь, состоявшие из амлякдарств, которые российские путешественники приравнивали, соответственно, к губерниям и уездам [А.П., 1908, с. 47; Будрин, 1871, с. 39; Галкин, 1894б, с. 26; Гартевельд, 1914, с. 108; Логофет, 1911а, с. 243; Нечаев, 1914, с. 73; Олсуфьев, Панаев, 1899, с. 143–144]. Число бекств и амлякдарств постоянно менялось в зависимости от политических причин (например, завоевание или, наоборот, утрата территорий в составе эмирата) или по воле самих эмиров, которые могли увеличить число бекств по самым разным причинам, не слишком считаясь с целесообразностью таких решений. Так, в начале 1870-х годов из состава Чарджуйского бекства было выделено три новых – Кабаклинское, Бурдалыкское и Наразымское, что объяснялось военными нуждами. Дело в том что для защиты от набегов туркмен-йомудов в этом районе было решено построить три крепости, каждая из которых считалась городом, а городами и их округой должны были управлять отдельные начальники-беки. В результате местное население, насчитывавшее во всех новообразованных бекствах всего 6 тыс. дворов, должно было содержать трех беков и штат их многочисленных чиновников [Быков, 1884, с. 45].

Впрочем, административно-территориальное устройство эмирата складывалось довольно долго, и система «бекство – амлякдарство», по всей видимости, окончательно закрепились не ранее второй половины XIX в. Например, Е.К. Мейендорф, побывавший в Бухаре в 1820 г., ничего не упоминает о беках и амлякдарах, а говорит, что эмират был разделен на 40 туменов²⁹ [Мейендорф, 1975, с. 137]. Н.В. Ханыков, посетивший Бухару в 1841–1842 гг., также говорит о наместниках-хакимах, управлявших наиболее значительными городами эмирата [Ханыков, 1844, с. 5]. Многие области, которые в дальнейшем превратились в бекства, в 1820–1870-е годы были номинально или фактически независимыми от Бухары владениями – Гиссар, Куляб, Шахрисябз и др. [Кун, 1880, с. 205, 237; Маев, 1879б, с. 174–176; Мейендорф, 1975, с. 77, 79]. Окончательно территория Бухарского эмирата сформировалась в начале 1870-х годов при участии российских войск, которые обеспечили эмиру Музаффару (1860–1885) поддержку в покорении Восточной Бухары, составившей едва ли не половину территории всего государства³⁰. В результате в начале XX в. Бухара делилась на 27 бекств [Логофет, 1911а, с. 240; Нечаев, 1914, с. 73].

Во главе каждого бекства стояли наместники-беки, назначавшиеся исключительно по воле эмира, однако все эти назначения все же можно разделить на три основные группы. В тех бекствах, которые ранее являлись независимыми государствами, поначалу иногда назначались представители бывших местных правящих династий или хотя бы местного населения.

Первоначально обычной практикой было назначение беков из числа правящих семейств соответствующих регионов: тем самым эмир надеялся обеспечить лояльность к себе со стороны знати областей, насильно присоединенных к его владениям при разных обстоятельствах (в том числе и при содействии русских войск на рубеже 1860–1870-х годов). Несмотря на то что должность бека формально не была наследственной (и во многих наместничествах эмиры

²⁹ Со времен Монгольской империи тумен (туман) являлся административно-территориальной единицей, с которой в случае войны могло быть выставлено 10 тыс. воинов (такое военное соединение также называлось туменом).

³⁰ Во второй половине 1870-х годов в состав Бухары вошли Дарваз и Каратегин, прежде признававшие вассалитет от эмира, а в 1890-е годы – и Западный Памир. Анализ сведений путешественников о статусе этих территорий будет рассмотрен ниже, в пятой главе.

устроивали «ротацию» каждые 2–3 года³¹), сыновья таких чиновников, служа при дворе эмира, имели возможность снискать его милость и, соответственно, со временем рассчитывать на должности, занимавшиеся их отцами [Татаринов, 1867, с. 91; Яворский, 1882, с. 36]. Естественно, нередко такие главы региональной администрации не обладали необходимыми способностями для выполнения своих обязанностей, и фактически за них управляли их собственные чиновники. Так, например, при встрече посольства князя Витгенштейна в Кулябе все контакты с ним осуществлял местный юзбаша, объяснивший, что юный бек получил должность не за заслуги и способности, а исключительно в силу происхождения, и потому не может соответствующим образом принять российских послов [Крестовский, 1887, с. 157–158].

Впрочем, подобная политика не всегда была эффективна, и беки нередко меняли позицию в зависимости от политической ситуации в эмирате. Так, потомственный кулябский бек Сары-хан, несмотря на то что в свое время помог Музаффару подавить восстание правителя соседнего бекства и в награду получил широкую автономию в своих владениях, впоследствии поддержал восстание Катта-туры против отца, за что был арестован и отправлен в Бухару (правда, его преемником стал его собственный племянник). Гиссарский правитель Абдул-Керим также поднял восстание против Бухары [Маев, 1879б, с. 175–176, 216] (см. также: [Хамраев, с. 26–27]). Поэтому в конце XIX – начале XX в. наибольшее распространение получила практика назначения беков либо из членов правящего семейства, либо из представителей сановной знати, не имевшей связи с местным населением³².

Эмир Музаффар был единственным сыном эмира Насруллы, тогда как у него самого было множество сыновей, каждый из которых, как уже отмечалось выше, имел право на власть и, соответственно, видел в братьях конкурентов. Стремясь не допустить ссор между сыновьями и вовлечения их в придворные интриги, эмир большинство из них назначил беками – правителями областей эмирата. В частности, его второй по старшинству (после изгнанного Катта-туры) сын Сейид-Акрам-бек управлял бекством Гузар, самый любимый сын Сейид-Абдул-Ахад (впоследствии наследовавший трон Бухары) – бекством Кермине, Сейид-Абдул-Мумин – бекством Гиссар (при этом из-под его власти были выведены некоторые области прежнего Гиссара, отданные в управление другим сановникам) и т. д. [Стремоухов, 1875, с. 694; Маев, 1879б, с. 177, 183; Матвеев, 1883, с. 35; Яворский, 1882, с. 64].

В качестве беков сыновья хана не отличались по статусу от других правителей областей, которые не принадлежали к правящему роду. Сама Бухара с округой представляла собой «столичное» бекство, и функции бека в нем выполнял сам кушбег [Стремоухов, 1975, с. 685; Маев, 1879а, с. 118]. Карши, формально считавшийся уделом наиболее вероятного наследника эмира, время от времени передавался и членам семейств придворных сановников. Так, в 1830-е годы им управлял сын кушбеги [Mohan Lal, 1846, p. 122], а в начале 1880-х – вышеупомянутый Астанакул, внук кушбеги Муллы-Мехмеда-бия [Крестовский, 1887, с. 224].

В последней четверти XIX в. владения эмиров за счет присоединения новых территорий оказались настолько обширными, что стало очевидно: осуществлять централизованное управление ими из одной только Бухары становится просто-напросто невозможно. Поэтому страна была фактически разделена на две части, во главе административной системы каждой из которых был поставлен собственный кушбег: в западной – бухарский (тот самый, который являлся «премьер-министром» при эмире), в восточной – гиссарский³³. Впервые этот пост был учре-

³¹ Как сообщает М.А. Варыгин, в Кулябском бекстве за 28 лет сменилось 19 наместников [Варыгин, 1916, с. 743]. С другой стороны, В.П. Панаев, ссылаясь на И.Л. Яворского, говорит о том, что некоторые беки могли пожизненно занимать свой пост [Олсуфьев, Панаев, 1899, с. 145].

³² Власти старались не только беков, но и амлякдаров назначать не из числа местных жителей [Маев, 1879б, с. 184–185; Нечаев, 1914, с. 38].

³³ Это преобразование в административном управлении Бухарского эмирата представляется весьма знаковым, поскольку, на наш взгляд, отражает сохранение тюрко-монгольских кочевых традиций даже в тот период, когда Бухара, казалось бы,

жден для Астанакул-бека – сводного брата эмира Музаффара, который управлял Гиссаром в течение двух десятилетий (1886–1906). В знак его особого положения ему в 1887 г. был пожалован давно забытый титул аталыка³⁴. В результате он занял одно из высших мест в иерархии эмирата в целом: российские путешественники характеризовали его как третьего по значению сановника в эмирате и отмечали, что он позволял себе даже упрекать самого эмира Абдул-Ахада, своего племянника, за промахи в управлении [Лессар, 2002, с. 102–103; Лилиенталь, 1894а, с. 314–315] (см. также: [Хамраев, 1959, с. 29–30]).

Большинство же оставшихся бекств имело своеобразный «рейтинг» в зависимости от их размеров и уровня благосостояния, и назначение в них наместников зависело от того, как относился эмир к своим приближенным. Так, Самаркандское бекство считалось наиболее престижным и богатым³⁵, Чарджуйское было больше и почетнее, чем Каракульское и т. д. [Зноско-Боровский, 1908, с. 196; Татаринов, 1867, с. 91]. В зависимости от того, насколько в милости был тот или иной аристократ, ему жаловалось бекство побольше или поменьше, побогаче или победнее. Время от времени эмир менял размеры бекств, чтобы обеспечить тому или иному своему наместнику определенный уровень доходов. Путешественники сообщают, что монарх в качестве наказания мог лишить прогневавшего его наместника права собирать налоги с местного населения и передать его другому, но при этом лишившийся доходов бек все равно должен был платить в эмирскую казну все необходимые налоги и подати. Так, на рубеже 1880–1890-х годов налоги с Гузарского бекства собирал наместник Шаарского бекства, а в Яр-Тепинском амлякдарстве, входившем в Яккабагское бекство – байсунский бек [Белявский, 1894, с. 108] (см. также: [Галкин, 1894б, с. 26, 28]).

В своих наместничествах беки являлись фактически независимыми правителями³⁶, власть которых практически не контролировалась; некоторые (в частности, беки Шахрисябза, Гиссара, Куляба и Каратегина) в разное время даже осуществляли самостоятельные дипломатические сношения с иностранными властями и посланцами, в том числе и с русскими [Яворский, 1882, с. 37]. Тем не менее формально они действовали именем эмира и, принимая любое важное решение, писали «арз» (доклад, просьбу) на имя эмира и действовали лишь после получения официального ответа из его канцелярии [Маев, 1879а, с. 103].

Каждый бек имел собственный двор, по сути представлявший копию двора самого эмира: при нем имелись собственные мирахуры, есаул-баши (помощники), диван-беги (начальники канцелярии) и т. д. Подобно тому, как эмир назначал беков, сами они назначали амлякдаров – наместников мелких административно-территориальных единиц, включавших по несколько селений; амлякдары должны были собирать подати и обеспечивать порядок в своих владениях [Галкин, 1894б, с. 27; Матвеев, 1883, с. 35]. Чаще всего на должности назначались родственники и ближайшие сподвижники беков, и лишь очень редко новый бек мог оставить на должности амлякдаров, назначенных его предшественником. В таких случаях амлякдарам требовалось приложить максимум усилий, чтобы сохранить должность, что обычно проявлялось во вручении новому наместнику крупной взятки. Так, один амлякдар, снятый с должности, бурно сокрушался, что за время пребывания на ней не успел возместить сумму, врученную им беку [Нечаев, 1914, с. 17].

В зависимости от отношения бека к назначавшемуся на должность амлякдарство могло быть и больше, и меньше: некоторые насчитывали около 1,6 тыс. жителей, другие – до 3 тыс. [Варыгин, 1916, с. 795; Стеткевич, 1894, с. 258; Федоров, 1894, с. 159–160]. Впрочем, на коли-

полностью восприняла систему организации власти и управления по мусульманскому образцу. Разделение на две части – это традиционная система «крыльев», существовавшая еще в эпоху империи Чингис-хана и впоследствии постоянно использовавшаяся в государствах его потомков (см. подробнее: [Трепавлов, 2015, с. 142–149]).

³⁴ Г.Г. Лилиенталь приравнивает аталыка к «полному генералу» [Лилиенталь, 1894а, с. 315].

³⁵ До 1868 г., когда Самарканд был захвачен российскими войсками и вошел в состав Туркестанского края.

³⁶ В.П. Панаев сравнивает их с удельными князьями [Олсуфьев, Панаев, 1899, с. 143–144].

чество и размер амлякдарств могли влиять и другие факторы. Так, в Каракульском бекстве до установления российского протектората над Бухарой их было 12, а к началу 1880-х годов осталось всего 4 из-за запустения территорий и снижения доходов населения: вода Зеравшана, ранее питавшая этот регион, стала больше использоваться населением русского Самарканда и его округа [Архипов, 1884, с. 221].

Беки и их подчиненные не получали жалования от эмира, поэтому кормились за счет собственных земельных владений и сборов в свою пользу с местного населения, естественно, нередко превышая полномочия по их взиманию. В их пользу шел поземельный налог – харадж, который они нередко по собственному усмотрению могли существенно повысить по сравнению с 1/10 доли, предусмотренной нормами шариата (до 1/5 или даже 1/4), поземельный (танапный) сбор, а в ряде бекств – также дорожные пошлины (с переправ, мостов и проч.) или специальные дополнительные сборы. Собирали эти налоги амлякдары и их специальные чиновники – даруги, причем никаких приборов для измерения полагавшейся для сдачи доли зерна и другой продукции у них не было, всё они определяли «на глаз», а если и ошибались – то всегда в свою пользу [Нечаев, 1914, с. 72; Стеткевич, 1894, с. 258]. Беки получали подарки от амлякдаров за назначение на должность, те, в свою очередь, от своих нукеров – телохранителей из числа местных жителей, которые помогали амлякдарам в сборе налогов и поддержании порядка в населенных пунктах [А.П., 1908, с. 49].

Основной задачей бека был сбор налогов в пользу казны эмира. Эти налоги состояли из торгового сбора, ушра и зякета [Ханыков, 1843, с. 115–116, 119]. Формально они составляли определенную долю от доходов населения, но рассчитать количество жителей в каждом бекстве не могли ни центральные власти, ни сами беки с амлякдарами, поэтому чаще всего беку при его назначении называлась фиксированная сумма (в зависимости от благосостояния бекства), которую он должен был ежегодно направлять в казну. Обычно такая сумма составляла от 5 до 10 лаков серебра³⁷ [Ржевуский, 1907, с. 226; Семенов, 1902, с. 979–980]. Кроме того, бек должен был также каждый год вручать эмиру «токсан тартук» – подарок, свидетельствовавший о верности и покорности бека монарху и состоявший из определенного количества лошадей с полной сбруей, связок халатов и ковров (по 9 штук в каждой) [Архипов, 1884, с. 188; Лессар, 2002, с. 105; Нечаев, 1914, с. 976–977]. Некоторые беки, стремясь снискать милость эмира, взимали и отправляли в Бухару больше налогов, чем требовалось, обещая подданным взять с них меньше в следующем году [Гаевский, 1924, с. 59].

Соответственно, если сумма доходов с бекства была существенно ниже установленной (даже если виной тому был неурожай, катаклизмы и т. п.), наместников ждали суровые наказания – от перевода в менее престижную область до смещения, конфискации имущества и тюремного заключения [Гаевский, 1924, с. 59; Гартевельд, 1914, с. 109; Семенов, 1902, с. 978]. Исключения делались в очень редких случаях. Так, в 1894 г. каршинский бек сдал в казну 1 800 тыс. таньга, а годом позже – всего 700 тыс., но ему дали «испытательный срок», поскольку он был лишь недавно назначен на должность [Литвинов, 1910а, с. 93].

Еще одной обязанностью беков и их подчиненных был прием и содержание эмира и его сопровождающих во время поездок по стране. Обычно с ним приезжали множество чиновников и солдат, сановников, а также иностранцев, находившихся под покровительством эмира (иногда – более тысячи человек) и «гостить» они могли по несколько месяцев). Этот обычай был весьма разорителен для населения³⁸

³⁷ Путешественники определяют 1 лак в 16 тыс. серебряных рублей.

³⁸ Единственный пример положительных последствий пребывания эмира в бекстве приводит капитан Архипов: эмир Музаффар пробыл в Шааре целый год, что привлекло туда многочисленных купцов и способствовало развитию городского хозяйства и торговли [Архипов, 1884, с. 174].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.